

СТАСЯ ТЕИН

НЕОТЛОЖНАЯ
ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стася Тейн

Неотложная любовь

«Автор»

2026

Тейн С.

Неотложная любовь / С. Тейн — «Автор», 2026

Алёна: Я стала врачом, чтобы за чужой болью спрятать свою. Новая больница — последний шанс остаться в профессии. Я готова ко всему. К кромешному аду приёмного покоя, к ночным дежурствам, к вечному недовольству заведующего. Но не готова к тому, что произойдёт, когда он узнает самую страшную тайну моей жизни... Демьян: В моём отделении всё подчинено трём вещам: порядку, дисциплине и моей воле. Я не терплю слабости. Не терплю слюнявых оправданий. И уж точно не собирался нянчиться с новым врачом, которого мне навязали. Но что делать с тем чувством, что зреет у меня внутри, когда я на неё смотрю? И что она скрывает за своей ледяной стеной в глазах?

© Тейн С., 2026

© Автор, 2026

Стася Тейн

Неотложная любовь

Глава 1

От лица Алёны

Часы на стене показывали 5:45 утра.

Снова – двадцать минут до будильника, как будто внутри меня жил некий тревожный механизм, не подвластный обычной логике сна и бодрствования, заставляющий просыпаться заранее – не от звука, не от света, а от чего-то невидимого, поднимающегося изнутри вместе с сердцебиением.

За окном уже маячил робкий рассвет, едва различимый в сероатой пелене – небо ещё не решилось окончательно проснуться, но тонкий свет уже нащупывал путь сквозь щель между шторами, медленно растекаясь по подоконнику и касаясь лица прохладным дыханием нового дня. Ветер лениво колыхал ещё зелёные, не тронутые осенью кроны деревьев, и в этой мягкой, чуть затаённой тишине казалось, будто весь город на мгновение затаил дыхание вместе со мной.

Я лежала, не двигаясь, вглядываясь в идеально белый потолок, словно ища там опору, а может, ответ, и пыталась собрать мысли, разрозненные, как книги после бури – собрать в единый, хоть сколько-нибудь логичный ряд, чтобы понять, как прожить этот день без страха. Меня зовут Алёна Златогорова. Мне двадцать пять. И сегодня начинается то, к чему я шла много лет, шаг за шагом, иногда на ощупь, иногда через боль и отчаяние. Сегодня – мой первый рабочий день в качестве врача-хирурга отделения неотложной помощи клинической больницы № 17.

Отделения, которое по праву считается самым тяжёлым в городе, того самого, о котором говорили вполголоса, как о линии огня, сравнивая с фронтом не из пафоса, а потому что и правда – именно туда везли самых тяжёлых, самых безнадёжных, самых обескровленных и изломанных, и именно там, за дверьми с выцветшей надписью «неотложка», разыгрывались настоящие битвы за человеческие жизни. Когда где-то происходила трагедия, когда срывались масштабные аварии, пожары, взрывы – именно семнадцатая клиника неизменно оказывалась в самом эпицентре событий, а её хирурги первыми встречали тех, кто уже стоял на грани.

Наверное, любой здравомыслящий человек задал бы мне сейчас вполне резонный вопрос: зачем молодой девушке добровольно идти работать туда, где, как говорят, не выживают даже самые крепкие? Почему именно это отделение, где круглосуточная боль, хронический недосып, напряжение, страх за пациента, который вдруг начал умирать прямо на столе, и полное отсутствие роскоши ошибаться? Ответ, как ни странно, вовсе не героический – он простой, даже банальный: потому что мне не оставили другого выхода, потому что мою судьбу уже кто-то решил за меня, вычертив маршрут так, что все дороги, кроме одной, оказались тупиковыми.

Это была месть. Холодная, изошрённая, тщательно спланированная – не вспышка, не эмоция, а осознанное уничтожение чужого будущего. Он – мой бывший однокурсник, тот самый «золотой мальчик», сын человека с нужной фамилией и возможностями, – давно пытался приблизиться ко мне, настойчиво, вежливо, с ухмылкой, которая никогда не нравилась мне, и с обещаниями, которых я не просила. Когда понял, что его чувства безответны, превратился в человека, которому ничего не стоило ломать – мебель, двери, жизни. Он и его отец сделали всё, чтобы не осталось ни одной больницы, куда бы я могла устроиться после ординатуры – все заявления возвращались с отказами, сухими, формальными, но удивительно единогласными. «Нет вакансий», «укомплектован штат», «благодарим, но...» – словно кто-то заранее разослал мою фамилию по спискам нежелательных персон.

Я не сдавалась. Сначала. Потом – училась терпеть. А затем начала терять веру. Чувство, что я – лишняя, ненужная, случайная, стало ползти по внутренним стенкам изнутри, заполняя каждый угол. Казалось, я стою на краю своей профессии и вот-вот вывалюсь в никуда.

И тогда меня спас мой наставник – Константин Викторович.

Человек, благодаря которому я стала тем, кем стала. Он не просто учил – он лепил, формировал, точил, как скальпель. Мы оперировали почти без перерывов, жили в операционной, говорили глазами, понимали с полуслова, и я знала: он верит в меня даже тогда, когда я сама начинаю сомневаться. Изначально он планировал оставить меня у себя в отделении, говорил об этом как о чём-то само собой разумеющемся, но, когда один за другим стали приходиться отказы – он понял, что это уже не совпадения, а целенаправленное давление.

Он не стал спрашивать, не стал искать виноватых – он просто взял меня за руку, отвёл к главному врачу клинической больницы № 17 и вошёл в его кабинет. Они разговаривали долго, за закрытой дверью, а я тем временем сидела в коридоре, глядя в пол и не смея даже надеяться, потому что надежда стала слишком хрупкой. В какой-то момент дверь распахнулась, они вышли вдвоём, и главный врач – высокий, с прямой спиной, с таким взглядом, в котором сразу понимаешь, почему здесь порядок, – просто посмотрел на меня и сказал:

– Принята. С понедельника – заступаете.

Никаких дополнительных слов. Никакой протянутой руки. Просто факт.

Я стояла в коридоре. И почувствовала, как что-то медленно возвращается в меня. Как первое дыхание после наркоза.

И пусть эта маленькая битва – за то, чтобы остаться в системе, не раствориться в череде отказов, не быть вычеркнутой – и оказалась выиграна, я отчётливо понимала: дальше меня ждёт война куда более сложная, тяжёлая, идущая не вовне, а внутри – война за право остаться, удержаться, выжить в этом отделении, доказать себе и другим, что я имею право быть здесь. Отныне каждый шаг, каждое дежурство, каждое решение – испытание, где ошибки не прощаются. Никем. Ни системой. Ни пациентами. Ни самими врачами.

Но разве когда-либо было по-другому?

Каждый мой этап – с самого детства – был борьбой. Борьбой за место в жизни, за то, чтобы быть услышанной, замеченной, чтобы просто остаться живой, не исчезнуть, не раствориться в равнодушии окружающего мира. Всё началось тогда, в ту самую зиму, когда мне было двенадцать, и всё, что я знала о тепле, доме и безопасности, исчезло в одну снежную, тёмную ночь.

Я помню дорогу – она была скользкой, коварной, будто сама смерть притаилась в снежной каше под колёсами. Помню, как нас закрутило, как огни встречной машины на мгновение ослепили. Резкий хруст, пахнувший гарью и холодом... А потом – тишина. Плотная, гулкая. Я очнулась в больничной палате, окружённая звуками капельниц, мерцанием приборов, чужими голосами. Тогда я ещё не знала, что всё изменилось. Что мой мир рухнул.

Врачи говорили осторожно, почти шёпотом, глядя в глаза, полные пустоты. Говорили, что я выжила по счастливой случайности, будто кто-то там, наверху, дал мне второй шанс. Только я не чувствовала этого шанса. Потому что вместе с новостью о собственном спасении пришла другая, гораздо страшнее: моих родителей больше нет. Мама и папа погибли на месте, мгновенно. Без боли. Без шанса.

После больницы был распределитель – мрачное, казённое здание с облупленными стенами и бесконечными очередями, где твоя судьба решалась за считанные минуты и сводилась к одной строчке в журнале. Потом – детский дом. Учреждение, где всё пахло кипячёной одеждой

и дешёвым мылом, где у каждого ребёнка был шкафчик с номером, где ты становился частью системы, в которой ни у кого не было времени на твои слёзы или воспоминания.

Родственники у нас, конечно, были. Они и сейчас есть. Но тогда никто из них не пришёл. Ни в больницу. Ни в распределитель. Ни в детский дом. Я ждала. Долго. Сидела у окна, надеясь, что вот-вот появится знакомый силуэт. Но никто не приехал.

Вместо них пришёл человек в дорогом пальто, с кожаным портфелем и холодным выражением лица, который назвался адвокатом и сухо сообщил, что моя тётя, мамина младшая сестра, не готова взять на себя ответственность за второго ребёнка, а бабушка сказала прямо: ей я не нужна. Эти слова звучали как приговор, как окончательная точка в истории, где я больше не была чьей-то внучкой или племянницей, где не осталось ни тепла, ни родства, ни надежды.

Но, как выяснилось позже, кое-что им всё же оказалось нужно.

Моё наследство.

Квартира, в которой по утрам пахло маминым кофе и ванильным печеньем, где в шкафу жила моя любимая кукла в синем платье. Машина, на которой мы ездили летом на озеро. Банковские счета, которые родители открывали для моего будущего. Всё это каким-то непостижимым образом оказалось не у меня, не в надёжных руках, а у них – тех самых, кто не пришёл даже в морг. Оформлено, передано, утрачено. Законно.

Так я осталась ни с чем – без дома, без семьи, без вещей, которые связывали меня с прошлым.

Из девочки в розовом пуховике, которую мама крепко обняла в день поездки, я превратилась в сироту из списка, в фамилию на жёлтом листке.

И тогда я стала делать единственное, что у меня действительно получалось лучше всего, – учиться. Знания были для меня и спасением, и оружием, и способом доказать миру, что я чего-то стою, что моё существование имеет смысл. Я поглощала учебники, справочники, художественные книги, всё, что попадало под руку. Просила учителей о дополнительных занятиях, задерживалась после уроков, чтобы разобрать материал ещё раз, задавала вопросы, которые многим казались излишними, но мне были жизненно необходимы.

К четырнадцати годам я уже точно знала, кем хочу стать. Не просто кем-то «важным» или «успешным», а врачом. Я понимала: если я не была нужна своим, значит, я должна стать нужной другим. Пусть хотя бы там. Пусть хотя бы так.

Все эти усилия не оказались напрасными. Школу я закончила с золотой медалью и красным аттестатом. В институте держалась на вершине, сдала все экзамены без троек, вышла с красным дипломом. Ординатуру прошла «на отлично», и каждый раз, получая очередную похвалу или галочку в зачетке, я напоминала себе: всё это не случайность, всё заслужено.

Стрелка часов на стене едва заметно качнулась и переместилась на шесть утра. Время вставать. Сегодня меня попросили приехать чуть раньше, чтобы представить заведующему отделению, в котором я теперь буду работать.

О Демьяне Ярцеве я знала немного. Только слухи, только пересказанное чужими головами. «Хирург от бога». «Циник». «Строгий руководитель». «Продолжатель врачебной династии». Его имя произносили с уважением, иногда с восхищением, иногда с легким трепетом. Говорили, что он несколько раз читал лекции старшекурсникам, и тогда весь женский курс старался подать себя с лучшей стороны – улыбки, прически, новые платья. Я же в это время была слишком занята: учёба, работа, постоянная гонка между книгами и дежурствами. Мне было некогда ловить чей-то взгляд. Для меня он был просто врачом. Не более.

Я поднялась с кровати, и привычным движением расправила плечи – невысокий рост заставлял всегда держать осанку, чтобы не казаться совсем уж девочкой. Пошла в ванную.

Умылась холодной водой – горячую отключили ещё месяц назад и, как всегда, обещали включить «через две недели». Ничего нового. В зеркале на меня смотрело слегка заспанное лицо, без косметики, только крем для кожи и гигиеническая помада – мой максимум. Я никогда не любила привлекать внимание внешностью, не умела и не стремилась. Волосы быстро собрала в пучок, чтобы не мешались, и вернулась на кухню.

Завтрак был скромным – пара бутербродов и кружка крепкого чая. Кофе я не пью, и дело не в экономии или здоровье – просто не нравится. Никогда не нравилось. Чай куда ближе. Его тепло разлилось внутри, возвращая ясность.

Потом привычный ритуал: ещё раз проверить сумку. Пропуск, сменная обувь, блокнот, ручка – всё на месте. Я всегда проверяю дважды, иногда трижды. Одежда на мне была самая простая – джинсы и футболка. Без излишеств. Я привыкла к простоте. Она спасает, не отвлекает, позволяет быть в тени.

В половине седьмого я вышла из дома. Утро встретило меня прохладным воздухом и тишиной, которая бывает только в спальнях районах – когда город ещё окончательно не проснулся, но первые звуки жизни уже просачиваются в улицы. До остановки было всего метров сто по узкому тротуару между старыми тополями. Дом, где я жила, относился к старому жилому фонду, со скрипучими подъездами и облупившейся краской на стенах, но мне жаловаться было не на что – эту квартиру выделили как сироте, и, несмотря на убогость обстановки, она оставалась моим единственным настоящим домом. Главное – крыша над головой и тишина за дверью, остальное не имеет значения.

Автобус подошёл почти сразу, будто ждал меня. Салон был наполовину пуст: кто-то досыпал, прижавшись лбом к стеклу, кто-то, едва открыв глаза, уже листал ленту в телефоне. У каждого своя жизнь, своя история, свои заботы. Я сидела, глядя в окно на улицы, постепенно оживавшие под светом утра, и пыталась представить, каким будет мой сегодняшний день.

По пробкам дорога обычно занимала около сорока минут, но сегодня город словно решил подарить мне передышку – движение оказалось редким, и до больницы я добралась быстрее, чем ожидала.

Клиническая больница № 17 встречала меня суетой пробуждения. Те, кто отдежурил ночь, стояли на крылечке и сонно курили, прищурившись от яркого света. Карета скорой помощи как раз подъехала к приёмному отделению, и носилки с больным быстро скатились по пандусу внутрь. Атмосфера уже кипела, и это было лишь начало дня.

Я держала курс к административному корпусу – туда, где меня ждал главный врач. Больница сразу поражала своим видом: не унылая громада серых стен, а скорее что-то вроде санатория. Повсюду свежий ремонт, белые стены, плитка на полу, аккуратные указатели. Совсем не то, к чему я привыкла, работая санитаркой в другой больнице, где на потолках проступала плесень, где каталки держались на честном слове, а доски пола скрипели и местами проваливались. Здесь всё выглядело по-другому – чисто, ухоженно, почти слишком правильно.

Приёмная главврача встретила меня тишиной. Секретарь ещё не пришла, в приёмной было пусто. Дверь в кабинет была приоткрыта, и я уже собиралась постучать, когда оттуда выглянул Олег Андреевич.

– Доброе утро, Алёна Александровна, – голос его звучал твёрдо и одновременно приветливо. – Проходите. Я сейчас возьму бумаги и отведу вас в отделение.

– Здравствуйте, Олег Андреевич, – я вошла и сдержанно улыбнулась. – Да, конечно.

Главный врач некоторое время просматривал папку на столе, потом повернулся ко мне:

– Ну как у вас настрой? Боевой? – уголок его губ чуть дрогнул. – Вы, главное, не тушуйтесь. Демьян Олегович, конечно, с характером, но всё только по делу.

Я спокойно кивнула:

– Да я и не боюсь.

Он прищурился, будто оценивая мою уверенность, и коротко сказал:

– Вот и отлично. Пойдёмте.

Мы спустились на первый этаж, прошли через переход, где большие окна пропускали в коридор свет утреннего солнца, сделали несколько поворотов, и вскоре остановились перед дверью. На табличке аккуратными буквами было выведено:

«Заведующий отделением неотложной помощи. Ярцев Демьян Олегович».

Я невольно задержала дыхание. Всё, что было до этого момента, казалось подготовкой. А сейчас начиналась настоящая игра.

Олег Андреевич распахнул дверь без стука, как человек, для которого в этих стенах не существовало формальностей.

– Демьян, ещё раз привет. – Он сказал это ровно, но с ноткой близости. – Как и обещал, вот твой новый врач. Златогорова Алёна Александровна.

Он стоял спиной к окну, и утренний свет, пробивавшийся сзади, очертил его высокую фигуру резким сияющим контуром, оставив лицо в тени. Я вошла – и он медленно поднял голову. В одной руке чашка с кофе, от которой поднимался терпкий, тёплый аромат, в другой – телефон, экран холодно мерцал, подчеркивая его сосредоточенное лицо.

Тёмные волосы чуть взъерошены, будто он задумчиво провёл по ним рукой, не заметив этого. Лицо резкое, будто выточенное из камня, сильная линия челюсти, прямой нос, брови, сведённые в едва уловимую складку. Но это не усталость и не гнев – скорее раздражение от того, что его выдернули из привычного течения мыслей.

А потом я встретила его взгляд. Глаза – тёмные, почти чёрные, внимательные до неприятного. В них не было ни приветливости, ни снисходительного интереса, только холодная, отточенная профессиональная оценка. Секунда – и мне показалось, что он уже знает обо мне больше, чем я сама: как стою, как держу подбородок, насколько уверена в себе и где именно нахожусь на шкале «сломается – не сломается».

И ещё в его облике было что-то от человека, который слишком рано привык к ответственности и слишком часто сталкивался со смертью. Я невольно отметила тонкие следы от перчаток на запястьях – не украшения, не часы, не браслеты, а именно следы. Такие остаются, если много и долго работать руками, если жить в операционной больше, чем дома.

Не кабинетный. – первая мысль.

Не тот, кто встречает новичков с улыбкой. – вторая.

И, пожалуй, третья: он из тех людей, к которым или тянет, или хочется держаться подальше. Середины не существует.

Глава 2

От лица Демьяна Ярцева

Отпуск закончился. Я бы даже сказал – слишком быстро закончился. Только начал по-человечески спать, только перестал вздрагивать от звонков телефона и перестал путать дни недели – как снова пора возвращаться в родные пенаты. Из аэропорта домой, забросить чемодан, и сразу же – в отделение. С корабля на бал, так сказать.

И чтобы вы не подумали, чего лишнего: работу свою я люблю. Но и отдыхать я тоже люблю. Даже очень. Это только в мыльных операх врачи ночуют на работе, питаются святым духом и ходят с видом вечных мучеников. В жизни всё куда проще: мы любим есть, спать, отдыхать, а если выпадает шанс – и лениться. Правда, лениться нам удаётся редко, но, как говорится, и на том спасибо.

Отделение встретило меня как всегда: привычной бегомнёй от приёмного до операционных, соплями, слезами и прочими радостями человеческого организма. И, разумеется, горой бумаг на моём столе. Такого завала я не видел даже в первый год заведования. Карты, акты, отчёты – всё в кучу, аккуратно сваленное ровно за те две недели, что меня не было. Спасибо, дорогие коллеги, очень тронут. В самое сердечко, так сказать.

Рабочий день плавно перетёк в рабочие сутки. А ночь – это особое время. Настоящая грань между добром и злом, между глупостью и чудом спасения, между жизнью и смертью. Всё начинается обычно безобидно.

Например, с бабушки-божьего одуванчика. Решила она, что давление 140 на 100 – это уже первый предвестник конца. Как положено сознательной гражданке, вызвала скорую. Те приехали, посмотрели, вздохнули, сказали, что умирать ей пока рано, и уехали. Но бабушка на этом не остановилась. Она пришла к нам сама.

Я выслушал её монолог о том, что все врачи на скорой – паскудники и бездушные лодыри, заверил, что умирать ей действительно преждевременно, уколол витаминку в мягкое место и благословил отправляться домой. На прощание она перекрестила меня с таким усердием, что я аж смутился. Если в ближайшее время не простыну, придётся черкануть ей смс с благодарностью за духовную защиту.

Следующим номером в нашей ночной программе был мужчина, который решил вспомнить молодость и попрыгать по крышам гаражей. Но фокус не удался – факир оказался пьян. Итог закономерен: перелом голени, сотрясение мозга и весьма философское настроение в придачу.

Потом наступило относительное затишье, но ненадолго. Уже под утро привезли классический аппендицит. Без этого у нас ни одна ночь не проходит. В общем, душевненько. Всё как обычно. Всё по-нашему.

К семи утра я чудом добрался до своего кабинета. В голове была одна единственная мечта – налить себе кофе и хотя бы полчаса честно прикинуться кактусом на подоконнике: колючим, молчаливым и неподвижным. Но, как обычно, жизнь распорядилась иначе. Точнее – мой отец.

Главврач. Источник локальных землетрясений и инициатор глобальных катастроф уровня «с понедельника всё будет по-другому». Человек, который врывается в кабинет без стука и швыряет в тебя информационные гранаты без объявления войны.

– Демьян, привет. У тебя сегодня выходит новый врач.

Я поднял голову и уставился на него.

– Класс. – Я даже не попытался скрыть сарказм. – А почему я об этом узнаю только сейчас?

– Ну, может быть, потому что ты две недели был вне зоны сети? – совершенно спокойно ответил отец, перебирая какие-то бумаги у меня на столе, как у себя дома. – Или потому, что у тебя дыра в расписании? Девочка хорошая, руки растут откуда надо. Ещё спасибо скажешь.

– Уже говорю. Внутри. Исключительно матом. – Я откинулся на спинку кресла и прищурился. – Девочка? Ей что, шестнадцать? Теперь у нас дети будут работать?

– Не шестнадцать, а двадцать пять, – хмыкнул отец. – И как думаешь, если ей двадцать пять, её теперь «бабой» называть?

– Можно было вообще никого не звать, – буркнул я. – Что ещё я должен знать? Она блогер? Веган? Феминистка? Или очередное протеже чьих-то влиятельных родственников?

– Нет. Просто хирург. После ординатуры. – Он посмотрел на меня спокойно, с той самой железобетонной уверенностью, от которой я всегда бесился. – Молодая, толковая.

– Дважды класс. – Я постучал пальцами по столу. – Детского сада мне ещё не хватало.

Отец сложил бумаги в стопку и, прежде чем выйти, сказал:

– Не извергай пламя. Выпей кофе, успокойся. Скоро приведу. И, Демьян... – он задержался у двери и посмотрел на меня так, что я понял: спорить бесполезно. – Не пытайся от неё избавиться. Я на полном серьёзе.

И ушёл.

А я остался сидеть в тишине и чувствовать, как во мне поднимается раздражение. Новый врач. После ординатуры. Не мной отобранный. Даже зарычать захотелось. Я встал, подошёл к кофемашине и стал насыпать зёрна, стараясь не думать о том, что этот день только начинается.

Ещё и девушка.

Ну замечательно.

Сейчас начнёт разводить тут сопли, слёзы и разговоры «а вдруг я не справлюсь».

Мало мне головной боли – получи ещё одну.

Ровно через полчаса, когда я запивал своё раздражение второй чашкой кофе и в который раз убеждал себя, что кофеин – лучшее лекарство от дурных новостей, дверь в кабинет снова открылась. На пороге появился отец. А за его спиной – она.

...да вы издеваетесь.

Это что – хирург?

Она выглядела так, будто через полчаса сбежит отсюда с криками «помогите, спасите». Слишком маленькая, слишком хрупкая, слишком... девочка. Врач-хирург, говорите? Да она весит меньше, чем мои инструменты в операционной сумке. Худощавая, хрупкая, даже слишком. На фоне моего отделения – как фарфоровая чашка среди эмалированных кастрюль.

– Демьян, ещё раз привет, – сказал отец бодро, будто мы с ним не виделись вечность. – Вот твой новый врач. Златогорова Алёна Александровна.

Я скользнул по ней взглядом. Волосы тёмные, убраны в пучок. Лицо чистое, без косметики. Даже удивительно. Маникюра тоже нет – ногти коротко острижены. Рабочий вариант. Знаешь, редко встретишь, чтобы девушка не пыталась хотя бы слегка произвести впечатление, а тут всё нарочито просто. Или искренне просто. Не поймёшь. И всё равно – слишком лёгкая, будто её могло ветром унести.

Хотя глаза... глаза зацепили. Карие, внимательные, цепкие. Не мольба, не испуг, а скорее готовность выдержать испытание. И упрямство. Такое, что на секунду я поймал себя на том, что смотрю дольше, чем планировал. *Отлично, Ярцев, ещё влюбись в новенькую. Очень профессионально.*

– Ну, вы знакомьтесь, а я пошёл, – сказал отец, и, конечно же, не забыл напоследок добавить: – И, Демьян, помни о нашем разговоре.

Да-да. Не пытаться от неё избавиться. Спасибо, папа. Как будто я каждое утро думаю, кого бы из персонала выгнать для разнообразия.

– Присаживайтесь, Алёна Александровна, – сказал я вслух, указав на стул напротив.

Она села, и, что удивительно, без суеты, не отводя глаз. Сидит прямо, спокойно. В голову звучал голос отца «девочка», а в её позе – ни грамма девочки. Я сцепил пальцы и начал.

– Значит так. Здесь всё делаем быстро. Думать нужно ещё быстрее. Времени на раскачку не будет. Здесь будет всё: пот, кровь, слёзы и прочие жидкости, которые способен произвести человеческий организм. Родственники будут умолять и проклинать нас одновременно, пока мы будем вытаскивать их главу семейства, который последние пятьдесят лет ел одни пельмени с ведром майонеза и курил «Беломор».

Я сделал паузу, позволив словам осесть.

– И ещё. Мне не жалуйтесь. У меня на жалобы аллергия, я начинаю задыхаться. Всё ясно?

– Предельно, – ответила она спокойно, даже не моргнув.

И вот это меня действительно удивило. Ни дрожи в голосе, ни попытки оправдаться. Смотрит прямо и твёрдо. *Интересно... неужели эта хрупкая девчонка реально не из пугливых?*

Я усмехнулся, чуть качнув головой:

– Ну что ж, посмотрим. Сегодня работаешь со мной в связке. Пойдём, представлю тебя коллективу.

Мы выходим из кабинета и держим курс к ординаторской. Новенькая шагает следом. Не отстаёт, но и вперёд не лезет. Ладно, чёрт с ним, кину плюстик в её копилку. Вижу, что чувство дистанции у неё есть.

Ординаторская встречает привычной картиной: врачи в естественной среде обитания. Тёма развалился на диване с кружкой кофе в объятиях – ей-богу, если бы можно было, он давно бы себе капельницу с кофеином в вену поставил и радовался жизни. На кресле в полудрёме дремлет Даня Соколов, голова на бок, глаза закрыты, но я-то знаю: через минуту вскочит и пойдёт резать как миленький. За столом Обухов, вечно серьёзный и дотошный, скребёт пером по картам со скоростью стенографистки, а в углу сидят мои персональные головные боли – Саша и Паша. Или Паша и Саша. Мне кажется, даже мать родная их не различает, потому что различий у них нет. Абсолютно. Я проверял.

Я слегка привлекаю к себе внимание:

– Доброе утро, коллеги. В нашем клубе мазохистов пополнение. Знакомьтесь – новый хирург, Златогорова Алёна Александровна.

Не успеваю договорить, как Тёма, демонстрируя прыть, несвойственную человеку, живущему на кофе и сарказме, вскакивает с дивана и подлетает к новенькой.

– Будем любить и жаловать! – заявляет он, улыбаясь во весь рот. – Артём Антонович, реаниматолог-анестезиолог. Можно просто Тёма. Или Тёмочка. Если кого-то вернуть с того света – это ко мне. Если кто надоест – тоже ко мне, помогу отправить баиньки.

Я закатываю глаза.

– Алёшин, сейчас допляшешь, и я тебя сам начну «Тёмочкой» называть.

– Душила ты, Ярцев, – обиженно тянет он и возвращается на свой диван, правда, глаза при этом сверкают довольные, как у кота, которому всё равно досталась сметана.

Я краем глаза отмечаю: новенькая не растерялась. Никаких смущённых улыбочек, никаких попыток вежливо рассмеяться – просто кивнула и осталась при своём. Плюс номер два в копилку.

– Ну раз уж начали знакомства, – продолжаю я, – давайте быстро. На кресле у нас тормозит Даниил Соколов, обожает резать по ночам. За столом скребёт пером наш травматолог Михаил Обухов. В углу сидят две мыши, которые утверждают, что они ординаторы Саша и Паша. Не пытайся понять, кто из них, кто – они сами не знают.

Только я закончил своё пламенное представление, как дверь в ординаторскую открывается, и на пороге появляется Надежда Ивановна. Как всегда – в форме, собранная, уверенная.

– Миша, там везут перелом таза, через пять минут будут. Встречай, – отрывисто говорит она.

Обухов моментально встаёт, собирает бумаги и уходит, не произнеся ни слова. Профессионализм без лишних эмоций – его визитная карточка.

Надежда Ивановна переводит взгляд на Алёну.

– У нас пополнение?

– Вроде того. Забирайте её, Надежда Ивановна, покажите раздевалку, пусть обустроится, – сказал я и тут же повернулся к новенькой: – А вас, Златогорова, жду на посту через десять минут.

Она просто кивнула и вышла вслед за Крупининой. Спокойно, без лишних движений.

В ординаторской повисла короткая пауза. Первым, как всегда, нарушил тишину Тёма. Он тихо присвистнул, покачал головой и протянул с самым хитрым видом:

– Вот это да... Какие врачи нынче пошли. Маленькая, хорошенькая. Надо только узнать, что она любит, и купить это сразу в трёх экземплярах. Глядишь, и проникнется.

Я вздохнул.

– Алёшин, когда-нибудь твой язык заведёт тебя туда, откуда даже я тебя не выгашу.

Даня, которому обычно нужно время, чтобы раскататься, неожиданно поднял голову и буркнул:

– Да она сбежит через пару дежурств. Ей бы в терапии сидеть, давление бабушкам мерять.

В глазах Тёмы мгновенно вспыхнул азарт. Он даже сел ровнее и хлопнул ладонью по колену:

– Забьёмся, Даня? Что месяц выдержит и не убежит?

Именно так, в нашем отделении, было заключено пари: сбежит новенькая или нет. Тёма – за, Даня – против. А я... я поймал себя на том, что самому стало любопытно, кто из них окажется прав.

Глава 3

От лица Алёны Златогоровой

Только я вышла из ординаторской, как рядом оказалась энергичная женщина с уверенной походкой.

– Меня зовут Надежда Ивановна, я старшая медсестра в отделении, – представилась она и тут же повела меня по коридору. – По всем вопросам можешь обращаться ко мне.

– Очень приятно, я Алёна, – ответила я, стараясь не отставать.

– Алёна? А по бабушке? – прищурилась она, словно проверяя.

– Для вас просто Алёна, – мягко сказала я.

Она кивнула и, остановившись у двери, протянула мне ключ:

– Вот наша раздевалка. Мальчики налево, девочки направо. Твой шкафчик – номер семь. Форма для тебя уже приготовлена, надеюсь, в размер попали. Переодевайся и дуй на пост. Не зли Дракона Олеговича в первый же день.

– Простите... кого? – не удержалась я.

Улыбка мелькнула в уголках её губ.

– Дракона Олеговича. Это мы так заведующего зовём. Самое главное – не попадайся ему на глаза, когда он злой. Характер у него... огненный, так сказать. Ну всё, иди, время идёт.

В раздевалке было тихо, гулко, только лёгкий запах стиранной ткани витал в воздухе. Шкафчики стояли в несколько рядов, и в моём, с номером «7», действительно лежала аккуратно сложенная форма: синие брюки и куртка, белый халат, шапочка.

Я переоделась быстро. Форма подошла почти идеально – сидела свободно, но по длине была в самый раз. Волосы спрятала под шапочку, закрепила невидимками, сделала пару глубоких вдохов и выдохов. Внутри всё дрожало от напряжения, но снаружи я хотела казаться спокойной.

В приёмном Ярцев уже стоял, опершись на стойку. Руки скрещены на груди, поза прямая, взгляд пристальный. Его фигура будто перекрывала собой всё пространство – и коридор, и свет из окна, и даже воздух вокруг.

Я сделала шаг вперёд.

Теперь всё начнётся по-настоящему.

Я только вдохнула, чтобы сказать, что готова, как двери отделения распахнулись с грохотом, и внутрь буквально влетела бригада скорой с каталкой. На ней лежал мужчина – серое, осунувшееся лицо, глаза закрыты, дыхание рваное.

– Мужчина, пятьдесят два года, – чётко докладывал фельдшер, пока каталку катили внутрь. – Давление девяносто на семьдесят, стула нет неделю, сегодня многократная рвота, живот напряжён, как доска.

– Он ваш, доктор, – коротко бросил Ярцев, и голос его прозвучал так, будто он нарочно подчеркнул это «ваш». Кивнул санитарам: – В смотровую.

Каталка исчезла за дверью, я пошла следом. Ярцев остался в приёмном, чтобы распписаться в бумагах.

В смотровую за мной влетела медсестра, ловко застёгивая халат на ходу. Я сразу заговорила, сама удивляясь, что голос звучит твёрдо и уверенно:

– Анализ крови общий и биохимия. УЗИ. Обзорная рентгенография.

Пока давала команды, склонилась над пациентом: осмотр, пальпация, быстрые вопросы. Живот вздутый, напряжённый, лицо искажено болью. Картина вырисовывалась сама собой.

Через несколько минут дверь снова приоткрылась. Вошёл Ярцев. Он не вмешивался, не задавал вопросов – просто встал у окна, сложил руки на груди и смотрел. Его присутствие чувствовалось, как тяжёлый груз за спиной, словно я сдаю экзамен, от исхода которого зависит всё.

Спустя полчаса диагноз стал очевиден. Острый живот. Кишечная непроходимость. И то, что я увидела на УЗИ, неприятно кольнуло: похоже, это не просто механическая причина, а опухоль. Я сдержала дыхание, произнося вслух:

– Острая кишечная непроходимость. Его нужно на стол. Немедленно.

– Принято, – коротко ответил Ярцев. Его голос прозвучал так, будто он подтверждал не мои слова, а своё собственное решение. – Лена, готовь первую операционную. И выдерни Артёма из ординаторской. Будет сопротивляться – укуси, скажи, я разрешил.

Медсестра хмыкнула и выскользнула в коридор.

Ярцев перевёл взгляд на меня, и в этом взгляде была не только проверка, но и вызов:

– Чего застыла? Шагом марш в операционную. – И, чуть прищурившись, добавил: – Сегодня я ваш ассистент.

Сердце ухнуло вниз. Первый день. Первая операция. И – под его взглядом.

В операционной уже почти всё было готово. Свет из огромных ламп падал белыми конусами, выхватывая блеск металлических инструментов, выложенных рядами на стерильных простынях. Воздух здесь всегда особенный – смесь антисептика, холодной стерильности и напряжённого ожидания. Операционная сестра заняла своё место, проверяя лотки, пересчитывая инструменты так быстро и уверенно.

Мы с Ярцевым стояли у раковины и молча мыли руки: от локтей вниз, тщательно, скрупулёзно, доводя движение до автоматизма. Вода текла горячая, с мылом, и в этот момент всё, что было за пределами операционной, исчезало. Только ты и работа. Только руки и то, что им предстоит сделать.

Артём влетел, когда мне уже помогли надеть одноразовый халат и натянуть перчатки.

– Дёма, что за дела? – с обиженной миной заявил он. – Меня Ленка укусила.

– Я разрешил, – сухо заметил Ярцев, даже не подняв глаз. – Не переживай, она привита.

– Да спасибо за заботу, – проворчал Артём. – Только кофе налил, только журналчик открыл... и на тебе – иди спасай.

Он пробурчал, но при этом уже привычно возился со своими аппаратами, проверяя трубки и мониторы.

Я заняла место у операционного стола, напротив меня – Ярцев. Его взгляд через маску был прямой и холодный: он не отвлекался, не терял времени, просто ждал, когда я сделаю первый шаг.

– Так, мы спим, – спустя пару минут объявил Артём, когда пациент поддался наркозу. – Можете начинать.

Я выдохнула и повернулась к сестре:

– Скальпель.

Инструмент лёг в ладонь с отточенной точностью. Лезвие сверкнуло под лампой. Первый разрез всегда словно разрубает тишину вместе с тканью. Кожа, подкожный жир, осторожные движения, чтобы не повредить лишнего. Дальше – глубже.

Поначалу в операционной стояла напряжённая тишина: только писк мониторов да тихие команды. Я чувствовала, как каждая клеточка моего тела сосредоточена на одном – на том, чтобы сделать всё правильно. И в то же время ощущала взгляд Ярцева – тяжёлый, пристальный, проверяющий каждое моё движение.

Когда я добралась до проблемного участка, сомнений не осталось. Закупорка была вызвана опухолью. Всё подтвердилось. Пришлось удалять часть кишечника и сшивать его заново. Это была сложная работа, требующая холодной головы и твёрдой руки.

И именно в этот момент, когда всё внимание было сосредоточено на шве, оживился Артём:

– Алёна, простите за наглость, но вы замужем?

Я промолчала.

– Тёма, – тут же вмешался Ярцев, даже не поднимая глаз, – тебе заняться нечем? Следи за показателями.

– А что? – не унимался Артём. – Пришла девушка, симпатичная, я интересуюсь заранее. Может, это моя судьба? Смотри, как работает: разрез аккуратный, ручки лёгкие, всё правильно делает. Прямо загляденье.

– Хочешь, я предскажу тебе судьбу на месяц вперёд? – отрезал Ярцев.

– Ну вот... – протянул Артём с притворной обидой. – Стоит только кем-то заинтересоваться – она молчит, а начальник сразу угрожает дежурствами. Скучные вы, господа, хирурги.

Ярцев только коротко хмыкнул. А я сосредоточенно накладывала швы. Работа шла чётко, и, честно говоря, мне было всё равно на разговоры вокруг. Важно было одно: чтобы пациент вышел живым из операционной.

– И шовчик наложила красивый, – снова подал голос Артём, когда мы уже заканчивали. – Фартануло мужику: и жизнь спасла, и зашила аккуратно.

Я не ответила.

– Вера, опухоль на гистологию обязательно, – сказал Ярцев сестре, его голос прозвучал так же чётко, как щелчок замка.

В предбаннике я сняла перчатки, маску, халат и бросила всё в корзину. Снова тщательно вымыла руки – привычное движение, словно очищение не только от микробов, но и от напряжения. Надела свой белый халат, поправила шапочку и вышла.

Но не успела пройти и пары шагов по коридору, как меня догнал неутомонный Артём.

– Ну может тогда хотя бы кофе? – с надеждой в голосе спросил он. – У меня есть шикарный, растворимый. На вкус как яд, но бодрит как ничто в этом мире.

– Нет, спасибо, – ответила я спокойно. – Я кофе не пью. И протокол ещё нужно написать после операции. Всего доброго.

Развернувшись, я пошла в сторону ординаторской. Позади остались двое мужчин: один – всё такой же неугомонный, с шуткой наготове, другой – молчаливый и сосредоточенный, каждый в своём настроении, каждый по-своему оценивающий то, что только что произошло.

Глава 4

От лица Демьяна Ярцева

Мы с Артёмом стояли, как два идиота, и смотрели ей в спину, которая всё удалялась по коридору. Белый халат, ровная походка, никакой суеты.

– Это что только что было? – практически прошипел Артём. – Ты видел вообще?

– И видел, и слышал, – отозвался я, не отрывая взгляда.

– Не, ну серьёзно, – он всплеснул руками. – Она кто вообще? Из спецназа? ВДВ? Или как это называется... буддистка боевого направления? Просто ледяной штиль! Ни дрожи, ни взгляда «спасите, я маленькая и молодая». Как будто вырезала аппендикс между утренним йогуртом и зумом по саморазвитию.

– Что, Тёма, твой фирменный юмор не прокатил? – фыркнул я. – Ужас-ужас, она не хихикнула и даже не покраснела.

– Да тут не то что не хихикнула, она меня вообще проигнорировала, как пыль под носками заведующего. У меня ощущение, что я со стеной флиртовал. Даже стенка бы хрюкнула в ответ, а она – ноль.

– Пошли, великий обольститель, – махнул я рукой. – Кофе тебе срочно нужен. Порадуешь свои вкусовые сосочки и заодно нервы приведёшь в чувство, пока у тебя язык не завял от непризнания.

В кабинете я достал вторую кружку, включил кофемашину. Аппарат затарахтел, заурчал, разливая по воздуху аромат свежемолотого кофе. Артём уже ходил туда-сюда, как нервный хомяк в клетке.

– Дёма, я сейчас серьёзнее некуда, – остановился он и уставился в стену. – Она не просто спокойная. Она как операционная лампа – светит, но не греет. Ты видел её шов? Да это не шов, а произведение искусства. Я думал, она сейчас будет вспоминать, где у человека печень, а она... твою мать, работала, как будто в прошлом месяце гастрощунтирование на автопилоте делала.

– Может, делала, – пожал я плечами и протянул ему кружку.

Сел на диван, вытянул ноги, почувствовал, как спина ноет, а в голове начинает раскручиваться неприятный клубок мыслей. Внутри всё странно перемешалось: раздражение и уважение, любопытство и недоверие. Не люблю, когда мне подкидывают сюрпризы без аннотации. Но чёрт, этот сюрприз отработал лучше половины старших хирургов.

– Я, честно, думал, она вцепится в край операционного стола и заорет, что вообще-то она тут только бумажки писала и вообще у неё аллергия на кровь, – признался я. – А она просто взяла и сделала. Без истерик. Без поз. Даже без лишнего звука.

– Она что, один из прототипов Тони Старка? – мрачно уточнил Артём. – Или её в секретной лаборатории собирали по чертежам Стрельникова?

– Откуда она вообще взялась? С неба свалилась? – добавил он уже риторически, отпивая кофе.

– Отец привёл, – пожал я плечами. – Утром. Без фанфар. Зашёл в кабинет: «Вот тебе врач». И ушёл. Всё.

– Просто вот так? Новый хирург? Держи, наслаждайся?

– Именно так.

– И ты даже не спросил?

– Я на тот момент имя вспомнить не успел. Думал, сначала кофе, потом разберёмся. Ну... разобрались.

– А дело? – Артём прищурился. – Ты ж у нас параноик. Ты же даже в накладные на перчатки нос суёшь. А тут – человек с ножом в руках, и ты такой «ну ладно, потом гляну»?

– Не успел, – отрезал я. – Пациент, операция, твои репризы в операционной. Всякое. Артём наклонился вперёд и уставился на меня взглядом из серии «сейчас заставлю».

– Ну и чего мы ждём?

Я поднял бровь.

– Открывай шкаф, Дёма. – Он кивнул на металлический ящик с личными делами сотрудников. – Не тяни кота за... ну, сам знаешь за что. Не мучай животное. И меня тоже.

Тяжело выдохнув, я поднялся с дивана и двинулся к шкафу с личными делами.

– Твоё любопытство, Тёма, тебя когда-нибудь погубит, – бросил я на ходу.

– Ну и ладно, – отмахнулся он. – Зато не от скуки.

Я вытащил нужную папку, открыл, пролистал первые страницы и начал вслух:

– Итак... Златогорова Алёна Александровна. Двадцать пять лет. Родилась двадцать седьмого июня девяносто восьмого. Не замужем.

– О-о-о! – оживился Артём, и глаза у него загорелись. – Значит, есть шанс.

– Тёма, тебя уже сегодня послали, – напомнил я, не поднимая глаз от бумаг. – Молчаливо, но вполне отчётливо.

– Попытка – не пытка, – философски заметил он. – Продолжай.

Я пролистнул страницу:

– Школа – золотая медаль. Институт – красный диплом.

– На заучку она не похожа, – протянул Артём, покачав головой.

Я продолжил:

– Ординатура у Семёнова.

Артём поперхнулся кофе, закашлялся и чуть не выронил кружку:

– У кого?!

– Ну, тут так написано: Семёнов Константин Викторович, – подтвердил я.

– Да в космос проще слетать, чем к нему в ординатуру попасть! – ошарашенно воскликнул он. – Там же конкурс, как в спецназ. Девять из десяти выкидывает, одного оставляет.

– Ну, это хотя бы объясняет, откуда у неё руки так поставлены, – пробормотал я и снова уткнулся в папку.

– Так... адрес проживания, номер телефона, копии дипломов... и всё. Дополнительных контактов нет. Странно.

– Сирота, что ли? – нахмурился Артём.

Я пожал плечами:

– Может быть. – И добавил уже вслух, в сторону: – Странно другое: почему Семёнов не устроил её куда потеплее? В клинику поспокойнее, без крови по локоть и родственников с истериками?

– Женская душа – потёмки, – пожал плечами Артём. – Кто её знает, что ей в голову стукнуло.

– Ага, – усмехнулся я. – Наше отделение прямо рай для девушки. Кровь, рвота, каловые массы... ммм, красота.

– Ну тут тебе, братец, придётся спросить у того, кто её привёл, – заметил Артём. – То есть у отца.

– Ладно, посмотрю ещё... может, и зайду, – пробурчал я, захлопывая папку.

В этот момент Тёма вдруг расхохотался, чуть не расплескав остатки кофе.

– Ты чего? – приподнял я бровь. – Перепил и к тебе кофейная белочка пришла?

– Да нет, – отмахнулся он, вытирая глаза. – Просто вспомнил, как мы в операционной смотрелись. Два Кинг-Конга в халатах... и, между нами, фарфоровая балерина.

Я усмехнулся:

– Ну, кстати, похоже.

– А она ничего такая, – добавил он, уже спокойнее. – В смысле на мордашку. Только молчаливая слишком.

Я промолчал. Перед глазами снова встал её взгляд – прямой, уверенный, без привычной для новичков дрожи. И от этого внутри снова что-то кольнуло.

Артём хлопнул себя по колену и поставил кружку на стол:

– Ну что, давай рабочие вопросы закроем и поговорим о главном. Как отдых, Дёма?

Я фыркнул.

– Шикарно, Тёма. Отдыхать – не работать. Море голубое, песочек тёплый, отель полный фарш. Ел, пил, тело на солнце грел, попу в море окунал.

– Эх... – вздохнул он мечтательно. – Даже завидую. А Диану чего не взял с собой? Или вы всё? Разбежались, как корабли в море?

Я откинулся на спинку дивана, вытянул ноги и усмехнулся краем рта:

– Не сыпь мне соль на сахар. Мы и не сходились, если уж честно. Так, встретились пару раз, потрахались. Уговор-то был именно на это: никаких чувств, никаких обязательств. Я вроде как не евнух, иногда тоже надо.

– Угу, – протянул Артём, – и?

– А она начала: «Можно я останусь, поздно уже». Потом принесла зубную щётку и тапки. С совами. Сказала, мол, пол холодный.

Артём аж поперхнулся:

– Пол холодный? У тебя же везде подогрев!

– Тёма, не тупи, – скривился я. – Она территорию метила. Типа «моё». Ну и я сказал то, что полагается в таких случаях: «Вроде как хорошо вместе. Давай на этом закончим».

– Почему «вроде как»? – прищурился Артём.

Я пожал плечами:

– Да потому что на троечку. Артистизма много, толку мало.

Артём прыснул в кулак.

– Слушай, а она по всей больнице уже разносит, что у вас всё прекрасно и вы вместе.

Я пожал плечами ещё раз.

– Да пожалуйста. Я что, запрещаю? Пусть развлекается. Всё равно рано или поздно раскроется, иллюзии рухнут.

Артём покачал головой, прихлёбывая кофе:

– Знаешь, иногда мне кажется, что у тебя внутри не сердце, а кусок гранита.

– А иногда мне кажется, что у тебя вместо мозга кофейная гуща, – парировал я. – Вот и живём в гармонии.

Ещё немного мы сидели в кабинете – он с кружкой, я с мыслями. Тишина звенела, между нами, но не тяготила. Каждый был занят своим: Артём – планами на очередную «охоту», я – непрошеной мыслью, что утро выдалось слишком насыщенным для второго рабочего дня после отпуска.

Артём первым нарушил паузу. Поставил кружку на стол, поднялся, потянулся, хрустнув спиной:

– Ладно, пошёл я. Попробую ещё раз познакомиться поближе.

Я только усмехнулся, качнув головой.

– Вот неугомонный...

Он махнул рукой и вышел, оставив после себя лёгкий запах кофе и свой вечный смех. Я остался в кабинете один. На столе – папка с личным делом Златогоровой. На душе – странное ощущение. Смесь раздражения, любопытства и какого-то тихого, пока неоформленного интереса.

Ну что ж, Златогорова... посмотрим, сколько ты продержишься в моём отделении.

Глава 5

От лица Алёны Златогоровой

Первый день был позади.

Я сидела на подоконнике своей крошечной кухни, обняв колени, и прокручивала в голове каждую деталь прошедших часов. Как будто боялась упустить хоть одну мелочь. С самого утра меня бросили в бой, без предупреждений и времени на раскачку. И, судя по всему, многие ожидали провала. Но провала не произошло.

После первой операции хотелось достать телефон, набрать номер и сказать: «Я справилась». Сказать, что всё получилось, что первая операция в качестве врача – сделана, завершена, и пациент жив. Но позвонить было некому. Вся моя семья осталась там, на заснеженной трассе, тринадцать лет назад.

Я закрыла глаза и вдохнула поглубже. В горле стоял ком, но слёз не было – за эти годы они будто высохли.

Весь день Ярцев ходил за мной словно тень. Нет, не мешал, не перебивал – просто следил, контролировал каждый мой шаг. Диагнозы я ставила сама, назначения делала сама, но ощущение, что он стоит за спиной и в любой момент может поправить или развернуть, не отпускало ни на секунду. Его взгляд был постоянным экзаменом.

Анестезиолог Алёшин... он отчаянно пытался познакомиться поближе, то шутками, то неловкими попытками пригласить куда-то. Но всё это разбивалось о мою холодную решимость. Я пришла сюда работать, а не заводить романы. Пусть сколько угодно обижается на молчание – мне всё равно.

Коллектив... в целом оказался неплохим. Врачи приняли спокойно, без лишнего скепсиса. Младший персонал пока присматривался, словно проверял: кто я и чего стою. Но самое главное – я не ударила в грязь лицом. Я выдержала. Я не подвела себя. И не подвела Семёнова, который вложил в меня всё, что мог.

С остальным как-нибудь справлюсь. Должна.

Я прижалась лбом к холодному стеклу и посмотрела на огни города. Где-то там, за окнами, продолжалась жизнь: люди смеялись, гуляли, встречались. А у меня только одно чувство – я наконец сделала первый шаг туда, куда шла все эти годы.

И назад дороги нет.

Так пролетели первые недели. Сначала за мной ещё присматривали – как за первоклассницей, которую выпускают из класса в коридор. Но постепенно контроль ослаб, и я почувствовала, что меня отпустили в свободное плавание. Теперь я была частью графика дежурств: дневные смены перемежались с суточными. Да-да, существуют ещё такие больницы, где врач работает по двадцать четыре часа.

Жизнь постепенно входила в колею. Пациенты, вызовы, операции. Всё то, ради чего я сюда пришла.

И когда я уже решила, что интерес коллег к моей персоне угас, случилось то, чего я точно не ожидала.

Начались... подкаты.

Причём не только от мужской части нашего отделения. Словно по сигналу, начали приходить медбратья, санитары, врачи из соседних корпусов, и даже пара заведующих. И все как один приносили... сладкое.

Гора на моём столе росла в геометрической прогрессии. «Милка», «Рафаэлло», «Киндер-сюрпризы». Эклеры, коробки пирожных, один особо креативный санитар притащил целый домашний торт, а заведующий кардиологическим отделением явился с гордой пирамидой из «Ferrero Rocher».

И каждый раз – отказ. Без исключений.

Я ловила себя на мысли, что будто оказалась в каком-то фильме, где друг советует главному герою купить килограмм шоколадных конфет, потому что «маленькие любят сладкое». Вероятно, эта идея гуляла по мужскому коллективному сознанию и почему-то воплотилась именно на мне.

Конечно, сладкое я люблю. Но не в таких промышленных масштабах. Поэтому почти всё принесённое мигом переключивалось либо к коллегам, либо к медсёстрам. Последние, правда, были «благодарны» с той самой натянутой улыбкой, за которой чувствуется раздражение: вроде спасибо, но в глазах читается «тоже мне, благодетельница».

После десятого, может быть одиннадцатого отказа, история обрела новый виток. За мной закрепилось прозвище.

«Ледяная королева».

Не в лицо, конечно. Но достаточно громко, чтобы я услышала, как это шепчут в коридоре.

Ирония заключалась в том, что дали его мне именно те самые медсёстры, которых я по доброте душевной угощала шоколадом и тортами.

Я усмехнулась.

Что ж, королева так королева. Уж лучше так, чем быть девочкой, которую обсуждают за спиной с ухмылкой и намёками.

Но самыми настырными оказались братья-близнецы. Они буквально не давали мне прохода. Стоило войти в ординаторскую, как они тут же прилипали и начиналось:

– Ну что же вы, Алёна Александровна, совсем никуда не ходите? Мы с братом знаем одну чудесную кофейню, там шикарный «Наполеон». Может быть, сходим после смены?

Второй брат шёл ещё дальше:

– А может, перейдём на «ты»? Можно обращаться просто Алёна?

Я уже открыла рот, чтобы ответить, как вдруг за спиной раздалось громкое:

– Нельзя!

Я обернулась – и застыла. В дверях стоял Ярцев собственной персоной. Взгляд его был таким, что мне вдруг показалось, что он разозлился на меня. Но нет. Досталось вовсе не мне.

– Значит так, братья по разуму с хроническим спермотоксикозом, – голос у него был спокойный, но от этого только страшнее. – Руки в ноги – марш на отделение. С этого дня вы разжалованы в санитары. На неделю. Увижу ещё раз в ординаторской – перераспределю в морг. Всё ясно?

Близнецы синхронно кивнули, побледнели и исчезли так быстро, словно их и не было.

Когда дверь за ними закрылась, я поймала себя на том, что выдохнула облегчённо и слишком заметно.

Но именно этот эпизод породил новую волну слухов.

Я услышала их ночью, случайно проходя мимо сестринской. Там «очень тихо» разговаривали. Тихо настолько, что было слышно каждое слово.

– Ну что, девочки, как вам наша новенькая? Мужики-то, гляньте, хвосты свои распушили, прямо строем пошли.

– Ага, – отозвался другой голос. – И нам вроде как с барского плеча отстегнула провианта.

– Слушайте, – вмешалась третья, – а она хоть кому-нибудь ответила согласием?

– Не-а. Всех послала.

– Ну а зачем ей какой-то медбрат или санитар? Выберет кого по статуснее.

– Дак вроде и заведующие были. Этот приходил... Симонов из кардиологии. Сказала «спасибо» и ушла.

– А наш-то... – протянула первая. – Дракоша Олегович! Вступился за неё на днях, когда близнецы её окучивали.

– Да ладно?!

– Да-да! Разжаловал их до санитаров. На неделю.

– Ну всё ясно, – хмыкнула одна. – Он поди тоже на неё глаз положил.

– А что у них с Дианой, кстати? Всё? Разошлись?

– Вроде того. Но Диана отрицает.

– Ещё бы! Кто такого мужика отпустит? За него замуж выйти – это как джекпот в лотерею сорвать. Отец – главврач, сам – заведующий, квартира в новом ЖК, машина прямо из салона, дважды в год отдых в тёплых странах и, между прочим, пакет акций в компании деда. Считаю, упакован по самое не хочу. Какая нормальная откажется?

– Да-а-а... девочки, – протянул чей-то голос, – чую, «Санта-Барбара» нас ждёт: Ярцев, Солнцева и новенькая.

– Угу, – отозвалась первая. – Она как посмотрит – сразу обогреватель обнять хочется.

Смех раздался в полголоса, звонкий, злой.

Я стояла у двери и чувствовала, как внутри всё холодеет. Ирония в том, что я никому не отвечала согласием, никого не подпускала ближе, а вокруг меня уже сплетали целую легенду.

Иногда так и хочется сказать: «А вы наденьте мою обувь и попробуйте пройти мой путь». Попробуйте жить, когда ты одна в целом мире. Когда даже поплакать в жилетку некому. Когда над тобой издеваются, ломают, применяют силу, а ты можешь только сжать зубы и выстоять.

Попробуйте каждый день ждать подвоха или удара от встречного, потому что так было всегда. Попробуйте выжить после того, как тебя выбросили на обочину жизни – и не в переносном, а в самом прямом смысле этого слова.

Я не ледяная.

Я просто научилась не обжигаться.

Так пролетел первый месяц работы. Почти незаметно. Я словно растворилась в графике и в стенах отделения, будто стала частью этого вечного круговорота. И за эти недели я прожила десяток чужих жизней: каждый пациент приносил в мою голову и сердце свой мир – боль, страх, надежду. Я ещё не настолько выгорела, чтобы перестать сочувствовать людям, и каждое их «спасите» отзывалось во мне эхом.

Ритм работы меня не пугал. Я достаточно быстро влилась в этот бешеный вихрь: днём – приём, консультации, перевязки, ночью – экстренные операции, а если вдруг выпадали редкие полчаса тишины, то они уходили не на отдых, а на заполнение бесконечных карт и отчётов. Такая вот врачебная доля: вместо сна – бумажная рутина.

За месяц я успела получше рассмотреть своих коллег. Все они оказались абсолютно разными.

Артём... Артём – это ходячий каламбур. У него шутки сыпались так же естественно, как дыхание, будто он просто не умел говорить иначе. Но за этим балагурством скрывался настоящий профессионал: внимательный, чёткий, собранный в критические минуты. Недаром некоторые реанимационные сестры буквально молились на него. Или хотя бы строили ему глазки при каждой встрече.

Даниил Соколов – полная противоположность. Тихий, сонный, будто жизнь проходит мимо него сквозь полуприкрытые веки. Но стоило ему войти в операционную – и это был уже другой человек. Сосредоточенный, холодный, собранный до предела. Казалось, он меняется вместе с надетой маской и перчатками.

Михаил Обухов, травматолог, педант до кончиков пальцев. Его всегда можно было узнать по идеально выглаженному халату, аккуратно подшитым манжетам и стопкам ровно сложенных карт на столе. Операции он описывал с каким-то почти детским азартом, называя пациентов «своими конструкторами». Он действительно собирал людей заново – кости, суставы, связки. Для него это было искусством, и я понимала, что он получает от этого настоящее удовольствие.

А близнецы... ну, близнецы были близнецами. Похоже, они родились исключительно для того, чтобы испытывать нервы коллег. Вечно что-то путают, вечно оказываются не там, где должны. Но именно благодаря их выходкам отделение жило в постоянном напряжении – и, наверное, без этого было бы слишком тихо.

Ну и, конечно же, Ярцев.

Описать его одной фразой невозможно. Характер у него действительно огненный – это я успела заметить на собственном опыте. За месяц я видела его разным: спокойным и даже ироничным, когда он в хорошем настроении, резким и нервным, если работа шла наперекосяк, и бушующим по-настоящему, когда терпение заканчивалось.

Однажды утром близнецы умудрились выписать пациента с переломом ребра, решив, что это «всего лишь невралгия». Благо, мужчина далеко не ушёл – его перехватили уже у крыльца. Ярцев орал так, что стены дрожали, а проходящие мимо санитарки крестились. Он грозился разобрать этих двоих на запчасти прямо на месте и без анестезии. Я в тот момент поняла: его прозвище «Дракон Олегович» придумали не зря.

Внешне он, конечно, привлекателен. Отрицать это – глупо. Высокий, сильный, уверенный в себе, с тем самым мужским обаянием, которое замечаешь, даже если стараешься отвести взгляд. Возможно, в другой жизни он бы мог мне понравиться.

Но это – не та жизнь.

Глава 6

От лица Демьяна Ярцева

Месяц. Целый месяц она работает у меня в отделении, и я по-прежнему не могу разгадать, что это за человек.

Как к врачу – у меня претензий нет. Совсем. Работает просто первоклассно. Быстро соображает, уверенно принимает решения, руки у неё поставлены так, будто она в операционной провела полжизни. Честно говоря, за этот месяц она показала больше, чем некоторые за годы.

Но вот всё остальное...

Нет, она не плохая. Не заносчивая, не строит из себя звезду, не задирает нос. Но и не вписывается. Вроде бы рядом, но будто мимо коллектива. У нас тут не принято играть в «дружную семью», но всё равно есть своя внутренняя кухня: кто шутит, кто ворчит, кто-то пишет за другого истории болезни. А она держится в стороне, словно поставила вокруг себя невидимую границу.

Я специально наблюдал. Даже сходил с ней на пару суточных дежурств, чтобы проверить: может, ночью она расслабится, заговорит, улыбнётся. Но нет. За весь месяц – ни одной улыбки. Ни малейшего намёка на то, что ей вообще может быть весело.

И даже когда к ней подкатывали свои бубенчики из мужской части персонала – реакции ноль. Ни кокетства, ни смущения. Никому не улыбнулась, ни разу. Всех разворачивала подчистую.

Наши кумушки, понятное дело, долго ждать не стали. В больнице же всё быстро обрабатывается прозвищами. Так вот, её окрестили «Ледяной королевой». Это мне уже Надежда Ивановна рассказала между делом, с усмешкой.

Я только хмыкнул. В принципе, неудивительно. Коллектив любит вешать ярлыки на тех, кто выбивается из общей массы. Но что-то мне подсказывает: за этой «льдиной» скрывается совсем не то, что всем кажется.

И именно это начинает меня злить.

Конечно, я старательно гнал от себя любые мысли, в которых мелькала она, но по правде говоря – это было похоже на тщетную попытку вычерпать море ладонями: чем сильнее я отмахивался, тем настойчивее они возвращались. И всегда, в самый неожиданный момент, я ловил себя на том, что снова представляю её лицо – симпатичное, слишком маленькое, почти дет-

ское в своей хрупкости, но при этом удивительно женственное. Хорошенькая, да. И это «да» звучало внутри меня слишком убедительно. Иногда, стоило нам оказаться рядом, во мне просыпалось нечто древнее и необузданное, то, что не поддаётся ни рациональным доводам, ни логике – первобытный отклик на её присутствие, тихая, но упрямая дрожь под кожей.

И всё же разум повторял мантру: служебные романы не входят в мои планы. Более чем достаточно было Дианы, с её бесконечными сценами, звонками, жалобами и попытками то приручить, то подчинить. Она по-прежнему цепляется, едва ли не каждый день мелькает то в коридоре, то в кабинете, будто надеется, что привычка и удобство сделают за неё всю работу.

А с другой стороны...

А с другой стороны меня по-настоящему тянуло к этой холодной девочке, тянуло вопреки всему моему опыту, здравому смыслу и железным правилам, которые я сам себе когда-то установил. В какой-то момент я мысленно признал собственное поражение: вот так просто, без всяких баталий и длительных осад, взрослый, крепкий тридцатипятилетний мужик пал смертью храбрых перед маленькой, внешне почти хрупкой девушкой. И в то же время я ощутил твёрдое желание во что бы то ни стало докопаться до сути, понять, что именно она скрывает за своей бронёй. Почему, пройдя ординатуру у одного из самых сильных хирургов страны, она вдруг оказывается в нашей неотложке, словно её сознательно отбросили на второй план? Почему она так замкнута, словно держит в себе не просто усталость интроверта, а целую стену из кирпичей, выстроенную годами? Да, бывают люди, которым комфортнее наедине с собой, но здесь всё выглядело иначе – это было не про черту характера, это напоминало защиту, отточенную до автоматизма.

Я взял её личное дело и пошёл к тому, кто, как я был уверен, наверняка знает больше, чем написано в этих сухих листах. Отец, как обычно, сидел у себя в кабинете: чашка с чаем стояла на краю стола, экран компьютера светился отчётами или приказами, а сам он читал что-то внимательно, с лёгкой складкой между бровей. Я вошёл, даже не постучав, и если бы это сделал кто-то другой, он бы в лучшем случае получил замечание. Мне же позволялось чуть больше – и я этим пользовался.

Он поднял глаза и сразу отложил ручку, взгляд стал собранным и цепким:

– Что-то случилось?

– Нет, – ответил я спокойно, проходя вглубь кабинета, – но мне нужны ответы. И не в виде дежурных фраз.

Он чуть нахмурился, но промолчал, лишь приглашающе кивнул на кресло напротив.

– Какие именно ответы? Уточни, сын.

Я не сел. Вместо этого положил перед ним на стол тонкую папку. Личное дело Златогоровой. Отец бросил на неё взгляд, приподнял бровь и заметил ровным голосом:

– Я это уже читал. Зачем принёс снова?

– А в этом как раз и дело, – я не убирал руки с папки. – Здесь слишком мало сказано.

Он посмотрел внимательнее, уже без намёка на иронию.

– Что именно тебя смущает?

– Всё, – ответил я, чувствуя, как внутри загорается привычный огонь. – Кто она на самом деле? Почему в деле столько пустоты? Будто кто-то специально вычистил каждую живую деталь, оставив только список академических успехов. Ни слова о семье, ни намёка на связи или историю. Пустое досье, тень, а не человек. Ты сам привёл её в отделение, как готового специалиста, но, по сути, это сплошная неизвестность. И скажи мне теперь, отец: как я должен работать бок о бок с врачом, о котором не знаю ровным счётом ничего?

Олег Андреевич выдержал паузу, снял очки и положил их рядом с чашкой, затем сказал спокойно, почти устало:

– Демьян, ты заведующий или частный сыщик? Она работает? Работает. Вот и всё.

– Этого мало, – я опустил в кресло, не сводя с него взгляда. – Да, она оперирует так, как у меня не каждый ординатор через два года работы оперирует. Но при этом остаётся чужой, отстранённой, словно существует в параллельной реальности. В команде, но не с командой. Я наблюдал. Она делает дело и отходит в сторону, будто сама себя изолирует.

Я замолчал на мгновение, потом добавил тише:

– И всё же скажи, откуда ты её взял? Неужели у Семёнова не нашлось для неё места получше?

Отец тяжело вздохнул, провёл пальцами по переносице.

– Чего именно ты хочешь?

– Правды, – сказал я коротко. – Я не привык, чтобы мне приводили людей за руку, да ещё и с таким туманом вокруг.

Он посмотрел на меня испытующе, потом нехотя кивнул:

– Ладно. За неё просил сам Семёнов. Лично. Отказать я не мог, ты же понимаешь. А у тебя как раз была вакансия – всё совпало. Он сказал только одно: девочке нужно дать шанс.

Я усмехнулся, но без веселья:

– У Семёнова за его ординаторами очередь стоит, как за новой иномаркой с бешеной скидкой. А тут вдруг «дайте шанс»? С чего бы?

Олег Андреевич с заметным усилием вздохнул глубже:

– Потому что именно по ней пошло негласное предупреждение. Без бумаг, без формулировок. Просто: «не брать». Передали по линии руководителей больниц. Откуда растут ноги – он только догадывается. Но серьёзно настолько, что двери начали захлопываться одна за другой.

Я нахмурился:

– Значит, ты рискнул?

– Мне никто не запрещал, – пожал плечами он. – Была вакансия, был специалист. Всё чисто.

– Чисто только на бумаге, – пробормотал я. – А на деле ты привёл в отделение человека с тенью за спиной, и не сказал об этом ни слова.

Он посмотрел на меня пристальнее, взгляд стал жёстче:

– А ты бы отказал?

Я не сразу ответил. Смотрел на тонкую папку, лежащую на столе, потом негромко произнёс:

– Нет. Взял бы. Но хотел бы знать, с чем придётся столкнуться.

– Так теперь ты знаешь, – спокойно сказал отец. – Всё, что было у меня, теперь и у тебя. Остальное узнаешь сам, если захочешь.

Я вышел из кабинета, захлопнув дверь чуть сильнее, чем нужно. Не от злости, а от ощущения недосказанности. Ответов на свои вопросы я, по сути, так и не получил. Всё, что раньше

казалось непонятным, стало ещё более мутным, как вода после дождя. И только вагонов с неизвестным грузом в голове прибавилось.

«Что же ты такого сделала, Златогорова, – думал я, шагая по пустому коридору, – что на тебя навалилось это негласное табу? Кто ты вообще такая?»

Возвращался в отделение я медленно, шаг за шагом, словно нарочно растягивая дорогу, пока в голове постепенно кристаллизовалась мысль, которую я до этого гнал, но которая всё равно упорно возвращалась. Иногда быть врачом чертовски удобно – со временем обрастаешь нужными связями, как болото мхом, и постепенно вокруг тебя формируется сеть людей, способных добыть что угодно: от редких препаратов до информации из самых закрытых архивов. А были среди них и такие, кто умел приподнимать крышки даже с тех ящиков, на которых красовались жирные печати «не подлежит разглашению».

Женька относился именно к таким. Его можно было описывать длинно, но проще всего – как в старом мультике: «нюх как у собаки, глаз как у орла». Он никогда не задавал лишних вопросов, зато всегда находил то, что другим казалось невозможным.

Добравшись до своего кабинета, я закрыл за собой дверь, бросил папку на стол так, будто она жгла мне руки, опустился в кресло и достал телефон. Несколько секунд листал список контактов, пока не нашёл нужное имя.

– Женя, привет, – сказал я, как только услышал его голос.

– О, Ярцев! – лениво протянул собеседник, и даже через динамик слышалась ухмылка. – Ну что, всё-таки кого-то укукошил и надо замять дело?

Я хмыкнул, позволяя себе короткую улыбку.

– Нет, пока никто не пострадал. Но мне нужно нарыть информацию на одного человека. Всё, что сможешь, и, как всегда, неофициально.

– Скидывай данные, – отозвался он сразу, без расспросов. – Через пару дней будет готово. Если, конечно, сверху её не прикрыли.

– Спасибо. Буду должен.

– Конечно будешь, – в голосе зазвенел смешок. – Бутылку. Виски.

– Да хоть две, – ответил я, откинувшись в кресле.

– Ставки повышаются, – подхватил он с удовольствием. – Ладно, как только что-то узнаю – заеду. Жду данные. Давай, бывай.

Он отключился так же внезапно, как и появился на линии. Я тут же переслал ему сообщение с нужной информацией, положив телефон и откинул голову назад, уставившись в потолок.

Тишина кабинета навалилась тяжёлым куполом. Мысли роились, но ни одна не приносила облегчения. Впервые за долгое время я понял: впереди будут самые долгие несколько дней в моей жизни.

И ровно через два дня, когда ожидание уже стало невыносимо вязким, в отделении объявился Женька. Я как раз стоял у стойки приёмного, подписывал кипу бесконечных бумаг, когда в дверях появился он – слегка помятый, с неизменной папкой под мышкой, в том самом своём фирменном виде, в котором каждый его шаг будто говорит: «Я в курсе всего, что происходит в этом городе».

– Привет, работникам скальпеля и зажима, – бросил он вполголоса, лениво скользнув взглядом по коридору. – Есть минутка поболтать?

– И тебе привет, – отозвался я, отложив ручку. – Пойдём в кабинет.

Вёл я себя как хозяин, у которого гостям всегда найдётся место и чашка кофе. Женька с благодарной улыбкой опустился в кресло и, разумеется, не отказался от предложенного напитка. Пока я ставил перед ним кружку, он привычным движением расстегнул папку, достал несколько листов и фотографии, разложил всё передо мной, словно готовился к тихому, но показательному докладу.

– Твоя Златогорова, – начал он, словно обсуждал погоду, – сирота с двенадцати лет. Семья разбилась в автокатастрофе на трассе недалеко от города. В протоколе ГАИ указано: родители погибли мгновенно. Ребёнок в машине – доставлен в ЦГБ № 5. Отделалась парой переломов, ушибами, ссадинами, ничего критичного. Через пару недель выписали, забрала опека.

Я поднял глаза от бумаг.

– Родственников нет?

– Почему же, есть, – усмехнулся Женька. – Бабушка по материнской линии и тётка. Только вот ни одна, ни другая ребёнка к себе не забрали. Зато от наследства не отказались. Всё переоформили на себя, причём задним числом. Тогда ещё цифровизации толком не было, всё проверить можно было легко. Да и сейчас можно, если захотеть. Семья у твоей девочки была не бедная, но и не миллионеры: квартира, пара машин, счета в банке. Всё это досталось сестре матери. Она на эти деньги открыла бизнес в духе «куплю подешевле – продам подороже». Вот этим и живут.

– А со стороны отца?

– Там пусто. Родители отца умерли давно, братьев, сестёр нет.

Я кивнул, перелистывая бумаги.

– Дальше?

– После детдома получила квартиру от государства – стандартная однушка в спальном районе. Поступила в мед, на бюджет, как сирота. Училась стабильно, на отлично. Параллельно работала санитаркой в третьей больнице – ночами, по выходным, без отрыва от учёбы. Биография будто по учебнику: целеустремлённая, упрямая, без глупостей. В клубах не появлялась, в студенческих вакханалиях не участвовала. Преподаватели отзывались положительно. Характер жёсткий, замкнутый, но работающий.

Он усмехнулся, скосив на меня быстрый взгляд:

– Ну, если вдруг ты переживал, что она участвовала в оргиях под «Руки Вверх», можешь выдохнуть. Не участвовала. А то напряжённый какой-то.

Я криво усмехнулся. Не потому, что шутка была смешной, а потому что слишком правдивой оказалась его ремарка: я и правда был напряжён. Всё, что он говорил, звучало подозрительно ровно, гладко, как будто кто-то заранее вымыл всю её биографию до блеска. А такие истории редко бывают без подвоха.

Женька снова взял папку, покрутил её в руках и добавил:

– Казалось бы, идеальная жизнь. Но, как ты понимаешь, идеального не бывает. Есть одно «но». И вот к нему я до конца не докопался: почти все бумаги либо уничтожены, либо изначально не оформлялись как положено.

Я напрягся, наклонился вперёд.

– Но раз ты хоть что-то нашёл – значит, не всё стерли. Что за «но»?

Он на секунду прикрыл глаза, будто пробегая по памяти те нити, что связывали факты.

– Два с небольшим года назад она появилась в приёмном покое одной из городских больниц. Время – около четырёх утра. Только вот... кроме одной записи в журнале обращений нет ничего. Ни карточки, ни истории болезни, ни вызова полиции. Будто её визита вообще не было.

– Какая больница?

– Седьмая. На отшибе. Там персонал меняется, как перчатки. Ночью туда либо по скорой, либо... ну, ты сам понимаешь. Что она делала там в четыре утра – вопрос без ответа.

Я молчал, чувствуя, как внутри что-то сжимается в тугой, ледяной ком.

– Я пробовал вытащить хоть какие то намёки через университет. Представился журналистом, прикинулся доброжелателем. Один из кураторов сказал: почти всё обучение Алёна держалась уверенно – тихая, упрямая, но без конфликтов. Группа её не приняла – слишком правильная, слишком не такая. Но она не обращала внимания. А потом, где-то за полгода до выпуска, она стала другой: зажатой, молчаливой, замкнутой. И всё это случилось сразу после той ночи. После визита в ту больницу.

Он умолк, а я лишь смотрел на него, чувствуя, как пазл внутри складывается в уродливую картину, но последней детали всё ещё не хватает. И эта недостающая деталь, я был уверен, самая мерзкая.

– Какие у тебя предположения? – спросил я негромко.

Женька пожал плечами, спокойно, словно обсуждал не сломанную судьбу, а недостающий отчёт в бухгалтерии.

– Всё что угодно. Нападение. Избиение. Изнасилование. Может, всё сразу. Там ничего не зафиксировано. Но сам подумай: человек в четыре утра оказывается в приённом покое на другом конце города, документы исчезают, характер ломается – тут и Шерлоком быть не нужно.

Я слотнул, стараясь держать голос ровным:

– Ты уверен, что нет следов? Совсем никаких?

– Уверен, – сказал он твёрдо. – Даже старую медсестру там подключал, она работает десятки лет, всех помнит. Просил проверить по внутренним записям, в обход регистратуры. Чисто. Будто и не приходила. Один след в журнале – и всё.

Он сделал паузу, потом добавил:

– Можно попробовать другие каналы: одноклассников поспрашивать, врача той ночи найти, если он ещё работает. Но прошло два года, вряд ли что-то вспомнят.

Я резко качнул головой.

– Нет. Слишком открыто. Начнём копать – она первой насторожится.

Женька хмыкнул:

– А ты чего вдруг своих врачей так пробиваешь? У тебя новая мания? В следующий раз через ФСБ прогонять будешь?

– Оттуда я пока не оперировал, – ответил я сухо. – Но всё может быть.

Сжал пальцы на столе так, что костяшки побелели. Папка передо мной была тонкая, почти невесомая, но давила сильнее любого тома судебно-медицинских заключений. Потому что внутри – не диагноз, не статистика. Там дыра. Провал. Чёрная пустота, о которой никто не должен знать.

Женя посмотрел на меня внимательно.

– И вот она... что?

Я поднял глаза, вдохнул, выдохнул и тихо ответил:

– Пока не знаю.

Я ещё раз посмотрел на бумаги, задержал взгляд на сухих строчках и фотографиях, потом снова обратился к Женьке, чувствуя, что внутри крепнет неприятная догадка:

– Слушай, а можешь пробить, кто из министерства на неё зубы точит? Отец сказал, что она к нам попала только потому, что кто-то негласно запретил её брать. Ей ведь все больницы отказали.

Женька кивнул спокойно, словно я попросил его купить хлеб по дороге домой:

– Не проблема, попробую.

Он чуть помедлил, прищурился, и в голосе прозвучала знакомая ухмылка:

– Она, кстати, ничего такая. Миленькая. Присмотрись.

Я только тяжело вздохнул, устало качнув головой:

– И ты, Брут? Издеваетесь, что ли?

Женя засмеялся, откинулся на спинку стула и, всё так же усмехаясь, развёл руками:

– Ой да ладно, а то не видно. Так давай рассчитывать, и я пошёл. Попробую удочки кинуть в наше логово министров-взяточников. Мы, кстати, там как раз одного перца разрабатываем, может, через него получится что-то вытащить.

Я подошёл к шкафу, достал сразу три бутылки виски и поставил их на стол.

Женька только присвистнул, глаза заиграли озорным блеском:

– Ого... а третья – это типа бонус, что ли?

– Ага, процент тебе, – ответил я спокойно, почти сухо.

Он аккуратно сложил бутылки в пакет, махнул рукой и удалился так легко, будто заглянул всего лишь на минуту.

Я остался один и ещё некоторое время рассматривал фотографии, что он принёс. Искорёженный металл, смятая в лепёшку морда машины, стекло, рассыпавшееся в пыль – глядя на это, трудно было поверить, что кто-то мог выжить. Шанс был ничтожный, но она каким-то чудом осталась жива.

И всё же главное не в этом. Не авария, не сиротство, не жадные родственники. Самое важное скрывалось за тем провалом в её биографии, за той странной ночью в седьмой больнице, когда следы внезапно оборвались, а сама она словно надломилась изнутри.

Что же тогда произошло, Златогорова? Что именно ты несёшь за собой, стараясь не выдать ни единого намёка даже тем, кто стоит рядом каждый день?

Глава 7 от лица алены

Незаметно подкрался октябрь, и вместе с ним в отделении стало тяжелее дышать. Последнюю неделю Ярцев будто сорвался с цепи: вспыхивал на каждом шагу, срывался то на врачей, то на медсестёр, то даже на санитарок. Иногда поводом становились сущие пустяки – утром, например, он устроил выволочку женщине только за то, что та не успела вовремя вынести мусор. Атмосфера вокруг него была такой, что казалось – воздух искрит, стоит лишь приблизиться.

Мы собрались в небольшом зале для планёрок, переглядывались, перешёптывались и гадали: что случилось с нашим заведующим, если он так рвёт и мечет?

Он вошёл ровно в девять, как всегда, будто по расписанию. И взгляд у него был тот самый – колючий, раздражённый, от которого у всех разом вытянулись лица.

– Доброе утро, – сказал он голосом, в котором не было ни намёка на приветствие. – Быстро пройдемся по новостям – и разбегайтесь дальше мотать мои нервы.

В зале воцарилась гробовая тишина.

– Первое. Началась ежегодная вакцинация против гриппа. Это значит, что каждый из вас – подчёркиваю, каждый – идёт в прививочный кабинет. Отговорки в стиле «у меня иммунитет

как у коня», «я закалённый» или, моё любимое, «у меня месячные» – не принимаются. Особенно если вы мужчина. Кто не соизволит пройти вакцинацию до конца недели, буду ловить лично и колоть там, где поймаю. Поняли?

Мы закивали почти синхронно.

– Второе. Минздрав решил приколоться и, по многочисленным просьбам страждущих, разрешил посещение реанимации. Слушаем внимательно: пускать будем только близких, строго по одному человеку. Никаких толп. И смотрим, чтобы не тащили еду: пирожки, борщ в банках и пол-литра для «расширения сосудов». Всё – сумки, пакеты, узелки – сдаём в гардероб. Кто начнёт спорить – ведите ко мне, я объясню, где выход. Ясно?

Снова дружный кивок.

– Ну и на сладкое, – он задержал взгляд на братьях Ермиловых. – Саша и Паша, или Паша и Саша – разницы нет. Прекратите лапать медсестёр в реанимации. Девчонки уже каждый день бегают жаловаться и обещают воткнуть вам капельницу в такое место, что вы неделю сидеть не сможете. Хочется разрядки – скачайте «Тиндер», найдите себе подружку на двоих и развлекайтесь. Но если ещё хоть раз услышат жалобы на вас – я сам вас отдам на растерзание. Всё ясно?

Близнецы синхронно съёжились в креслах, и зал тихо хмыкнул, но больше никто не рискнул пошевелиться.

– Вот и прекрасно. Всё, свободны, – отрезал он и махнул рукой, будто ставил точку.

Мы тут же поднялись, стараясь поскорее исчезнуть из его поля зрения, пока буря не разразилась снова. А я всё не могла отделаться от мысли: что же с ним случилось?

Долго раздумывать о странном поведении заведующего мне, впрочем, не пришлось – работа навалилась лавиной. «Скорая» приезжала одна за одной, словно вся боль нашего города решила собраться именно в нашем приёмном. Мужчина после ДТП с разбитым лбом и двойным переломом ног, бабушка, которая поскользнулась у собственного подъезда, а внук, наблюдавший за её падением, решил, что она сломала себе абсолютно всё, и поднял такой шум, будто мы принимали пострадавшую после крушения поезда. Пока мы осматривали бабушку, этот самый внук так переволновался, что сам рухнул на пол с гипогликемией – пришлось ещё и его откачивать. И дальше всё в том же духе: будто человечество сегодня решило массово тестировать новые способы самоуничтожения.

Ближе к обеду поток слегка поутих, и я, воспользовавшись передышкой, решила прогуляться в прививочный кабинет. Вызывать на себя лишний гнев начальства мне совсем не улыбалось. Бегать от двухметрового мужчины по коридорам тоже перспектива так себе: во-первых, всё равно не убежишь – уровень физподготовки у Ярцева явно на высоте, во-вторых, это просто глупо.

Прививочный находился в соседнем корпусе, через крытый переход. Девочки там работали с такой скоростью, что шприцы в их руках напоминали дротики на тренировке по дартсу. Я вошла, села, укололась и вышла. На всё про всё ушло не больше пары минут.

А вот обратная дорога обернулась неловкой сценой. В самом конце перехода стоял Ярцев, хмурый и раздражённый, и на нём буквально висела какая-то блондинка. Ситуация выглядела явно интимной, а у меня, к несчастью, выбора не было: обходить через улицу – долго и холодно, да и выглядело бы это как бегство. Пришлось собирать всю волю в кулак и двигаться вперёд.

Чем ближе я подходила, тем отчётливее разглядывала её. Блондинка с упругими кудряшками, боком ко мне – и сразу бросались в глаза ярко-красные губы и идеально выровненный тон лица. Сколько же времени она тратит каждое утро, чтобы выглядеть вот так? Халат – вызывающе короткий, едва прикрывающий то, что должен прикрывать. И каблучки. Высоченные шпильки, на которых, казалось, можно свернуть себе шею, если чуть оступишься.

Проходя мимо, я услышала её голос – тянущий, с лёгкой капризной ноткой:

– Ну, Демчик... не будь букой, давай попробуем ещё раз.

И тут до меня дошло. Это ведь та самая Диана. Я о ней слышала, но до этого момента ни разу не сталкивалась лицом к лицу. С фантазией у неё, конечно, всё в порядке: назвать такого здорового мужчину, с таким разворотом плеч «Демчиком»? Ещё бы «пупсиком» назвала. Или «зайчиком».

Я прошла мимо, стараясь не задерживать взгляд, но внутри у меня всё равно зашевелилось странное ощущение: смесь неловкости и неясной, но очень упрямой досады.

Я вернулась в отделение и твёрдо решила для себя: меня это не касается. Их жизнь, их отношения, их демонстрации. Я повторяла это, как заклинание, упрямо загоняя подальше назойливую мысль. Но внутри всё равно что-то жгло, неприятно зудело, словно крошечная заноза под сердцем, которую невозможно достать. Спасала только работа – бесконечные карты, протоколы, мелкие хлопоты, в которые я уткнулась с головой. День прошёл тихо. Ярцев за весь день так и не вышел из кабинета, дверь его была плотно закрыта, и только Алёшин пару раз заходил внутрь.

Сегодня у меня был выходной, и я решила на то, что всегда даётся с трудом, – отправилась в торговый центр. Не потому, что хотелось – потому что нужно было. Зима дышала в затылок, а у меня в шкафу зияла пустота: ни пуховика, ни обуви. Я терпеть не могу магазины, этот искусственный свет, одинаковые улыбки консультантов, которые твердят, что «в этой кофте вы – огонь», «а эти брюки сидят идеально». Всё это звучит особенно абсурдно, когда в зеркале ты видишь уставшую девчонку с тенями под глазами и волосы, собранные кое-как.

Но выбора не было. Я бродила по этажам больше двух часов, проклиная примерочные, зеркала и себя за упрямство. И всё же награда нашлась: нежно-голубой пуховик с пушистой опушкой и... белые унты. Моя маленькая, смешная мечта. Тёплые, мягкие, почти детские. Возможно, не модные, но мне было всё равно. Я позволила себе их купить.

На обратном пути я заметила кафе у выхода – светлое, уютное, с тихой музыкой. Захотелось просто сесть и выдохнуть. Я заказала чёрный чай, устроилась у стеклянной стены, обняла кружку ладонями. Горячий терпкий вкус согревал изнутри, и я впервые за день почувствовала, что усталость отпускает.

И тут услышала знакомый голос у кассы:

– Американо. И стакан воды.

Я подняла глаза. Он. Ярцев. Спокойный, уверенный, будто и здесь, в шумном торговом центре, всё по-прежнему было под его контролем. В тот же миг он обернулся, и наши взгляды встретились.

Я не отвела глаз. И он тоже. Между нами повисла пауза – короткая, но такая плотная, что в ней можно было услышать собственное сердце.

Он взял стаканы, повернулся и направился ко мне. Не спеша. Уверенно. Как будто эта встреча была предрешена.

– К вам можно?

Я кивнула. Без улыбки, без слов – просто кивнула.

Он сел напротив, поставил кофе на стол. Вёл себя так, словно оказался здесь не случайно, а по приглашению. И при этом не давил, не пытался подчинить тишину. Просто был рядом.

– Вас можно поздравить с обновками? – его взгляд скользнул на пакеты у моих ног.

Я кивнула снова, прижала ладони к горячему фарфору.

– Да. Немного к зиме.

– Белые унты?

Я удивлённо вскинула брови.

– Откуда вы знаете?

Он чуть улыбнулся – краешком губ, почти незаметно, и в этой улыбке не было ни насмешки, ни холодной иронии, только странное тепло.

– Видел вас в обувном. Вы держали их в руках и улыбались. Первый раз, кстати.

Я опустила взгляд, почувствовала, как щеки предательски вспыхнули.

– Это... моя маленькая мечта, – сказала тихо, будто боялась, что признание прозвучит глупо.

Повисла пауза, но теперь она казалась иной – не тяжёлой, а какой-то мягкой, вязкой, наполненной чем-то, чему я пока не умела дать название.

– В такой обстановке, – заговорил он чуть тише, чем обычно, – может, перейдём на «ты»?

Я подняла глаза. Он не давил, не ждал немедленного ответа – просто предложил. Я кивнула.

– Вот и хорошо, – произнёс он.

– А вы... то есть ты здесь по какому поводу?

– Я в автосалон напротив приехал, – ответил он, откинувшись на спинку стула и поднося к губам чашку. – Машину сдал, чтобы к зиме подготовили, резину сменили. Не хочу оказаться пациентом собственного отделения.

Я кивнула, уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут рядом с нами раздался пронзительный, почти визгливый возглас:

– Златогоровааа?! Это ты?!

Я обернулась и замерла. Ко мне семенила Алла Моховикова – бывшая однокурсница, в меховой жилетке, на каблуках, с миниатюрной сумочкой на локте и лицом, будто только что увидела мировую сенсацию. Она даже не подумала спросить разрешения и тут же плюхнулась на стул рядом, закинув ногу на ногу.

– Иду, смотрю – ты или не ты! Надо же, какая встреча. Ну как дела? Мы вот недавно всей группой собиравались, все были, кроме тебя.

– Я на дежурстве была в больнице, – ответила я спокойно, хотя внутри уже заскребло раздражение.

– То есть ты всё-таки в больнице работаешь? – Алла округлила глаза так, будто я призналась в преступлении. – А мне папа на выпускной салон красоты подарил. Я вот думаю в сеть его превратить. Ты приходи, если что. У меня девочки волшебницы – волосы, ноготочки, массажик. Сделают из тебя настоящую конфетку. А то ты какая-то... помятая.

Я сделала вид, что не обратила внимания на её «комплимент», но щеки всё равно предательски вспыхнули.

И в этот момент за её спиной раздалось вежливое, но очень выразительное покашливание. Алла обернулась – и, кажется, впервые заметила мужчину напротив. На секунду в её взгляде мелькнула оценка, как будто она прикидывала, сколько стоит его костюм.

– Ой! А я вас и не заметила! – протянула она с фальшивой улыбкой.

– Ну да, – Ярцев чуть склонил голову, его голос прозвучал мягко, но с холодной насмешкой. – Я же такой незаметный. Сливаюсь, можно сказать, с интерьером.

Алла хихикнула и тут же повернулась ко мне, игриво округлив глаза:

– Это твой хахаль?.. Ой, прости, мужчина? Ничего такой, мне понравился.

Я едва не поперхнулась от наглости, но Ярцев опередил меня.

– Зато ты мне не нравишься, – сказал он ровно, даже не повысив голоса. – Не люблю силиконовых кукол Барби с интеллектом курицы.

Алла замерла, вытянув губы бантиком, но слов не нашла.

– Алёна, ты допила? – обратился он ко мне так, будто ничего не произошло.

Я кивнула, не доверяя голосу.

– Тогда пойдём, – заключил он и, поднявшись, легко подхватил мои пакеты.

Я только и смогла, что встать и пойти следом. Алла осталась сидеть с вытянутым лицом, а у меня внутри всё перемешалось: стыд, досада, растерянность и что-то ещё, новое, от чего сердце билось чаще обычного.

Мы почти дошли до выхода из торгового центра, когда я забрала пакеты и тихо сказала:

– Спасибо тебе за помощь.

– Отношения с одноклассниками не ладятся? – спросил он будто бы невзначай, но в голосе прозвучала нотка настоящего интереса.

– Они меня ненавидели, – вырвалось у меня тихо, почти неосознанно.

– Что? – переспросил он.

– Мы не были дружны, – сказала я уже громче, сухо. – Ещё раз спасибо. Я пойду.

– Может, подвезти?

Я покачала головой:

– Нет. Я пройду. Всего доброго.

Я вышла в холодный воздух, но он не остудил меня. Встреча с Аллой всколыхнула то, что я привыкла прятать глубоко, будто закрывала на замок старый ящик с прошлым. Но стоит увидеть её лицо, услышать её голос – и всё вырывается наружу.

Алла всегда была в первых рядах. Богатые родители, уверенность, что ей позволено всё, и привычка держать вокруг себя свиту. Остальные подтягивались, потому что рядом с ней чувствовали себя сильнее. И когда они унижали меня, делали это азартно, будто играли роли в каком-то злорадном спектакле.

Я помню, как они рвали мои конспекты прямо на глазах у преподавателей. Листы трещали в руках, летели клочьями по аудитории, а я потом собирала их с пола, бережно складывала обрывки, будто пыталась собрать саму себя из кусочков. Я молчала, стискивала зубы, а они смеялись, глядя, как я ползаю под партами.

Я помню, как они бросали грязные салфетки в мой обед, и я без слов выбрасывала еду в урну. Помню, как живот сводило от голода, но гордость не позволяла есть испачканное.

Жвачка в волосах... сладкий запах мяты до сих пор стоит у меня перед носом, как только я вспоминаю тот вечер. Они вдавили её не на кончики, откуда можно было бы срезать незаметно, а прямо в макушку, чтобы каждый видел. В ту ночь мы с бабой Машей, старой санитаркой из больницы, где я подрабатывала, сидели в сестринской до рассвета. Она терпеливо поддевала прядь за прядью и вытаскивала жвачку маленькими кусочками, а я сидела, стискивала пальцы в кулаки и кусала губы до крови, лишь бы не расплакаться. Каждый раз, когда липкая масса с треском отрывалась от волос, внутри меня что-то тоже отрывалось – больно и унижительно.

Но хуже всего были раздевалки. Их любимая забава. Стоило физкультуре быть последней парой – они подталкивали меня внутрь, щёлкали замком и уходили. Сначала я кричала, билась в дверь, но потом поняла – бесполезно. Смех за дверью был громче моих криков. Я сидела в темноте, в тишине, и время тянулось вязко, мучительно. Иногда мне казалось, что стены дышат рядом со мной, что в темноте кто-то есть. Я зажимала рот руками, чтобы не зарыдать в полный голос. Открывала дверь потом всегда уборщица, случайно заглянувшая. Я

выскальзывала мимо неё с каменным лицом и молчала, молчала так, как будто это молчание могло меня защитить.

Алла всегда была там. Всегда улыбалась, когда это происходило. Лёгкая, довольная улыбка, будто чужая боль приносила ей настоящее удовольствие.

Я шла по улице, ускоряя шаг, будто могла убежать от воспоминаний. Но от прошлого не убежишь. Оно живёт внутри, отзывается в каждом взгляде, в каждой улыбке, в каждом «ты выглядишь помятой», сказанном между делом. И сейчас оно снова шло за мной – липкое, тёмное, неотвратимое, как тень.

Остаток дня прошёл будто в тумане. Радость от покупок растворилась, как сахар в горячем чае, и оставила после себя лишь пустую сладковатую воду. Я пыталась заняться домашними делами, но всё валилось из рук. Мытьё посуды, складывание вещей, даже просмотр какой-то передачи по телевизору – всё проплывало мимо, словно происходило не со мной.

Ночь тоже оказалась тяжёлой. Я ворочалась с боку на бок, засыпала и тут же просыпалась. Стоило прикрыть глаза, и память тут же вытаскивала наружу одно и то же: смех, крики, улыбки, шорохи в темноте. Я снова была в той раздевалке – тесной, пахнувшей пылью и линолеумом, снова сидела на скамейке, вцепившись в колени, и слышала смех за дверью. Он звенел, резал, повторялся, как заезженная пластинка. Я снова и снова оказывалась там, будто застряла в собственном кошмаре.

И вдруг что-то изменилось. Смех оборвался, дверь, которую я привыкла видеть наглухо закрытой, открылась. В проёме стоял Ярцев.

Он ничего не говорил. Просто смотрел. Его глаза были странно спокойные, тёплые, совсем не такие, какими я привыкла их видеть в реальности. И в этом взгляде было что-то, от чего в груди защемило. Он протянул руку – уверенно, просто, будто это само собой разумеющееся.

Я почти потянулась навстречу...

И в этот момент резкий трезвон будильника разорвал тишину.

Я рывком села на кровати, в комнате было ещё темно, сердце колотилось в горле. Секунду я сидела, пытаюсь понять – где я на самом деле? В раздевалке или в собственной квартире? В сне или уже в дне, который снова придётся прожить?

Голова гудела от недосыпа, глаза жгло так, будто я и не закрывала их ночью. Хотелось только одного – обратно в кровать, накрыться одеялом с головой и забыться хотя бы на пару часов. Но это было невозможно. Работа ждала, а сегодня ещё и мои дежурные сутки, значит, впереди длинная ночь.

В больнице всё шло своим чередом: бесконечные «скорые», потоки пациентов, анализы, диагнозы. Привезли несколько человек после пожара – обожжённые, закопчённые, с испуганными глазами. Мужчину с прободной язвой, который бодро уверял: «Да болело-то чуть-чуть!» – как будто с дырой в желудке можно было шутить. Операция длилась больше двух часов. Женщина, решившая сэкономить и купившая «домашнюю» колбасу у знакомого, теперь тяжело отходила от этой экономии: организм протестовал рвотой и диареей, будто мстил ей за жадность.

К часу дня поток слегка стих, и я позволила себе маленькую передышку. Решила дойти до буфета – позавтракать толком не удалось, и теперь был шанс хотя бы перекусить. Взяла тарелку винегрета и рассольник. Для больничной столовой готовили там удивительно прилично. Я выбрала столик в самом дальнем углу, надеясь на тишину и одиночество.

Зал был почти полный – именно в это время все стремились на обед. Я только закончила с салатом, как дверь открылась снова, и в буфет вошли двое. Ярцев и Алёшин. Второй размахивал руками, что-то живо рассказывая, и уже с порога крикнул:

– Тётя Надя! Дайте мне еды! Срочно, я голодный и крайне агрессивный. В таком состоянии могу уложить спать всех вокруг одним уколом!

Буфетчица, улыбнувшись, проворчала что-то в ответ, но тарелки наполняла с такой скоростью, будто боялась действительно оказаться уложенной. Они загрузили свои подносы основательно: несколько первых, пара вторых, да ещё выпечка сверху.

Алёшин оглядел зал, выцепил меня взглядом и расплылся в широкой улыбке. Подошёл, поклонился с преувеличенной галантностью и произнёс:

– Алёна Александровна, – с торжественной вежливостью проговорил Алёшин, – разрешите двум голодным мужчинам совершить посадку рядом с вами?

– Садитесь, – я кивнула.

– Спасибо тебе, добрая женщина! – шумно выдохнул он, опускаясь на стул. – Ещё чуть-чуть – и я рухнул бы в голодный обморок. На глазах у всего отделения. Позор бы был немислимый.

Я покачала головой, и впервые за день почувствовала, как напряжение слегка отпускает.

Алёшин ел так, будто последние семь дней его держали на сухарях и воде. Вилка мелькала в его руках с угрожающей скоростью, котлета исчезла за два укуса, и он, довольно откинувшись на спинку стула, произнёс:

– Прямо чувствую, как энергия пошла в моё тело.

– Ты бы на болтовню поменьше тратил, – лениво заметил Ярцев, ковыряя вилкой салат. – Глядишь, и не выдыхался бы так быстро.

– Если я буду молчать, земля сойдёт с орбиты, – не моргнув, парировал Алёшин.

– Каламбур ходячий, – отрезал Ярцев и без лишних слов принял за свою порцию.

Несколько минут ели молча. В буфете шумело, кто-то смеялся у соседнего столика, кто-то громко просил добавки, но у нашего стола царил тишина. И вдруг Алёшин поднял голову и сказал:

– Что-то ты, Алёна, сегодня бледная какая-то.

Ярцев тоже поднял взгляд, и теперь оба уставились на меня. Под этим вниманием я поёжилась, сделала вид, что сосредоточена на супе.

– Просто плохо спала, – тихо ответила я.

– Подойди потом на пост, пусть давление померяют, – коротко сказал Ярцев.

– Не нужно. Всё в порядке, – покачала я головой.

К моему удивлению, он больше не настаивал. Только прищурился, словно отметил про себя, и снова вернулся к тарелке. Я доела суп и перешла к чаю.

И именно в этот момент в буфет вплыла Солнцева. На каблуках, с идеальной укладкой, в халате, который сидел на ней скорее как наряд для вечера, чем для работы. Она шла к нашему столику, как будто остальной зал вообще не существовал, и облокотилась на край стола – так, чтобы ко мне оказаться спиной, а к Ярцеву лицом.

– Демчик, привет, – протянула она сладким голосом. – Есть минутка?

Ярцев поднял на неё глаза и ответил спокойно, но жёстко:

– Солнцева, сколько раз просил не называть меня этим идиотским прозвищем? Мне пять лет, что ли? Если вопрос нерабочий – изыди. Дай поесть спокойно.

Но Диана не отступала. Её голос стал ещё более тягучим, почти интимным:

– А что ты вечером делаешь? Может, пересечёмся, как раньше? Всё как раньше: ты, я, ужин... Я, кстати, бельё новое купила.

Я поперхнулась чаем. Горло обожгло, глаза заслезились, и только тогда она наконец повернула голову.

– Ой, а я тебя и не заметила, – бросила она с лёгкой ухмылкой. – У нас тут взрослый разговор. Не могла бы ты уйти?

На секунду я растерялась, но только на секунду. Потом поставила чашку на стол и произнесла ровно, спокойно, глядя ей прямо в глаза:

– Мне и правда нужно идти. Просто рядом с вами перестаёшь ощущать себя в буфете... скорее, будто случайно зашла в дешёвый бордель.

В зале повисла звенящая тишина. Солнцева дёрнулась, рот приоткрылся, но слов не нашлось. Она хватала воздух, как рыба, выброшенная на берег.

– Солнцева, свали отсюда, пока жива, – рыкнул Ярцев, и его голос был низким, угрожающим.

Я поднялась, взяла поднос и пошла к выходу.

И именно в этот момент за спиной раздался резкий, сорвавшийся голос Дианы:

– Куда ты пялишься?!

Я даже не обернулась. Просто шла дальше, чувствуя, как сердце гулко колотится, а внутри – странная смесь злости и облегчения.

Я уже почти дошла до ординаторской, когда дорогу мне перегородил Соколов.

– Алёна, ты же сегодня на сутках?

– Да, – кивнула я, чуть удивлённая его спешкой.

– Алёнка, выручай, – он говорил быстро, даже торопливо, словно боялся, что я скажу «нет». – Подежурь за меня послезавтра. У мамы юбилей, а я с графиком прокололся, теперь уже поздно менять. Никто не соглашается, а я... ну, сама понимаешь.

Я посмотрела на него и без лишних раздумий сказала:

– Хорошо. Мама – это святое.

Соколов облегчённо выдохнул, на лице появилась широкая улыбка.

– Ты моя спасительница! Потом твою смену обязательно заберу. Честно. Всё, полетел!

И умчался так быстро, словно боялся, что я передумаю.

А я осталась стоять в коридоре, глядя на пустое место, где только что был он.

Мама...

Если бы у меня была мама, я бы тоже подменилась. Хоть на неделю вперёд. Хоть на год. Лишь бы подарить ей праздник.

Но у меня её не было. И уже никогда не будет.

Глава 8 от лица Демьяна

Вот объясните мне, как некоторым особям женского пола втолковать, что всё? Конец. Точка. Разошлись, как в море корабли. И просил по-хорошему, и орал так, что стены дрожали, и объяснял по пунктам, и даже матом пробовал – а толку ноль. Разве что на китайском ещё не говорил. Хотя стоит, наверное.

Нет, она всё равно лезет. В душу, в пространство, в буфет, в халате, который держится на ней исключительно на наглости. Я серьёзно – проститутки иногда выглядят скромнее. И всё это сопровождается её фирменным: *«Демчик, привет... Есть минутка поболтать?»*

Господи, да я бы с мокрой простыней охотнее поговорил. Или с аппаратом УЗИ – там хотя бы холод предсказуемый.

Аппетит, естественно, умер в страшных мучениях. Ложка в руке хрустнула так, будто сама хотела сбежать. А Алёна... Алёна красиво прошлась по Солнцевой. «Про бордель» – это было сильно. И, кстати, вполне уместно.

Зато потом Диана полоскала мне мозг так, что позавидовал бы енот-полоскун. Всё из-за того, что я проводил Златогорову взглядом. «Что, Ярцев, на молоденьких потянуло? Или на экзотику? Что вы все нашли в этой серой мышке?» – её слова до сих пор в ушах звенят. Я ей голову чуть не свернул. И теперь моё и без того паршивое настроение стало ещё хуже.

Сидел у себя в кабинете, уставившись в бумаги, и пытался хоть как-то успокоиться. Получалось плохо. И тут, как всегда, дверь распахнулась без стука – и ввалился Артём.

– Ну что, злобный начальник, остыл уже или всё ещё кипишь? – весело спросил он и направился к кофемашине. Даже не подумал спросить разрешения.

– Тёма, ты бы хоть разрешения спросил, – буркнул я, не поднимая взгляда.

– Ярцев, не душни, – отозвался он. – Открой окно, проветришь. А лучше – мозги выгулай. Хочешь, и тебе сделаю?

Я молча протянул кружку.

– Вот так всегда, – усмехнулся он. – Ворчишь, как пенсионер, а кофе всё равно просишь. Пока машина жужжала, Артём повернулся ко мне через плечо:

– Слушай, а ты Диану не пробовал нормально припугнуть, чтобы отстала? Или всё ещё по привычке ей спину прикрываешь?

Я откинулся в кресле, потёр виски.

– Да ну её в задницу. Пачкаться не хочется. Хрен его знает, что у неё в башке. Изнасилует ещё по дороге в ординаторскую.

Артём прыснул:

– Ох ты ж, монашка моя. Держи.

Поставил кружку передо мной, сам устроился напротив.

– Ты можешь сколько угодно делать вид, что тебе плевать, – сказал он. – Но ты уже по уши влюблён. Только сам себе в этом признаться боишься.

Я не ответил. Сделал глоток. Кофе был крепкий, обжигающий. И да, может, он прав. Может, я уже влез. Только вот вопрос – во что именно. И смогу ли вылезти, не развалившись на части.

– Ты в психоаналитики записался? – хмыкнул я, глядя поверх кружки.

– Ну да, – пожал плечами. – В перерывах между наркозами консультирую. Тебе, как другу и начальнику, даже скидку сделаю. Ты так второй день пыхтишь, как паровоз – тебя уже санитарки за километр обходят.

Он сделал глоток, прищурился:

– Кстати... Ты в курсе, что сегодня с Алёной на сутках?

Я поднял голову.

– В каком это смысле? Она же вчера только сменилась.

– Соколов попросил её за него подежурить, – спокойно объяснил Артём. – У мамы юбилей, банкет, всё дела. А она, как всегда, согласилась. Святая простота.

Я выдохнул, потёр лицо ладонями.

– Сумасшедшая. Сегодня смена, послезавтра снова. Это ж не график, а форма добровольного самоубийства.

Артём пожал плечами:

– Ну ты же знаешь: кто, если не она.

Мы замолчали. Но ненадолго. Артём вдруг прищурился:

– Слушай... мне показалось, или я Женьку недавно видел?

Я кивнул.

– Не показалось. Заезжал.

– По делу или так? – уже серьёзно спросил он.

– По делу. Попросил кое-что пробить.

– И как? – Артём подался вперёд.

Я вздохнул, потёр переносицу.

– Ответов не прибавилось. А вот вопросов – стало вдвое больше. Всё не то, чем кажется. Чем дальше копаю, тем меньше понимаю, с чего вообще начинать.

– Поделишься? Или теперь тайна за семью печатями?

Я открыл ящик, достал тонкую папку и положил перед ним. Артём развернул, пролистал.

– Не густо... – буркнул. – А вот это... Подожди. Разве можно так просто стереть сведения при первичном обращении? За это ж задницу потом крапивой надерут.

– Можно, – сказал я сухо. – При нужной лапе в органах не только обращения исчезают – целые жизни стирают. Без следа.

– Н-да... история, конечно, – протянул он. – Книгу можно писать. Но ты, я так понимаю, отступать не собираешься?

– Нет.

Я поднял глаза.

– И не важно, что там было. Хотя... узнать, кто это сделал, и оторвать ему руки, ноги и башку – очень хочется.

Артём расхохотался:

– Наш человек! Ладно, Дёма, действуй. Влюблённый хирург, купи ванильки для атмосферы.

– Я тебе сейчас язык вырву.

Он засмеялся ещё громче, встал и махнул рукой:

– Всё, мачо. Я пошёл. А ты сиди и разрабатывай план по завоеванию сердца королевы хирургии.

– Шут гороховый, – буркнул я ему вслед. Но уголки губ всё-таки дрогнули.

После того как за Артёмом закрылась дверь, я остался сидеть в тишине. Кофе на столе остыл, лампы били в глаза резким светом, и от этого становилось только хуже. Попробовал устроить себе мозговой штурм – ну, как в книжках, где героя вдруг накрывает вдохновение, и он делает гениальный ход.

Ха. Смешно.

Все варианты, что приходили в голову, выглядели жалко. Цветочки? Банально. Шоколадки? Приторно. Прогулка в парке? Да не смешите мои костюмы. Написать что-нибудь?

Отлично, прямо вижу себя с восемью классами гимназии и томиком Бродского в рюкзаке. Серьёзно? Нет. Всё это было либо избито, либо тошнотворно сентиментально.

Значит – в топку. Оставим до ночи. Когда стихнет весь этот бедлам, когда можно будет хотя бы подумать спокойно, без очередного «пациент в приёмной с распухшей ногой и уверенностью, что это саркома века».

Хотя тогда я ещё не знал, что сама жизнь подбросит мне шанс. Редкий. Непрошенный. Почти положенный прямо в руки.

Оставшийся день пронёсся со скоростью болида «Формулы-1» – только не по трассе, а по ухабам. Выписать. Перевести. Поднять. Уронить. Снова поднять.

Кто работает в неотложке – тот в цирке не смеётся. Потому что цирк у нас здесь каждый день. С элементами драмы, абсурда и полной импровизации. Вот кто-то умудрился пожаловаться, что ужин был холодный. Ну, конечно. Я же не заведующий, я же шеф-повар! Завтра, наверное, подам рябчиков с трюфелями и шампанское на капельницу. Поддержим уровень сервиса.

К полуночи всё начало стихать. Палаты дышали в одном ритме, медсёстры носились по коридорам уже без паники, с привычной хандрой ночного дежурства.

Я прошёлся по отделению.

В пятой мужской разогнал стадо раздолбаев, которые решили, что ночь – самое время для карточного турнира. Карты, как выяснилось, хранили за бинтами. Ну да, конечно. В следующий раз ещё шахматы под капельницей поставите?

Ординаторов, наоборот, пришлось поднимать из коматоза. Ещё чуть-чуть – и начали бы храпеть в голос.

– Встаём, граждане! – хлопнул я ладонью по двери. – Вы не на курорте. А если на курорте – я могу включить анимацию. С дефибрилятором.

На посту приёмного сидела Оля. Склоняясь над журналом, методично выводила строки – с таким видом, будто переписывала «Войну и мир». Та же скорость, то же вдохновение, тот же уровень смысла. Я подошёл, оперся локтями о стойку:

– Ну что у нас? Кто? Где? С кем? Почему никто не орёт?

Она подняла глаза, пожала плечами:

– Тихо пока. Минут двадцать назад привезли девушку, после попытки суицида. Алёна её взяла.

Я на секунду замер.

– Таблетки? – уточнил я, будто от этого хоть что-то зависело.

Оля покачала головой:

– Нет. Вены вскрыла. Не глубоко, видимо, не собиралась по-настоящему.

Классика. Для внимания, не для смерти. Но это не делает боль меньше. Ни ей, ни тем, кто потом её зашивает.

– В какой смотровой? – спросил я, хотя уже знал ответ.

Оля кивнула в сторону коридора:

– В третьей.

Я дошёл до третьей смотровой и уже почти взялся за ручку, когда замер.

За дверью был голос. Женский. Молодой. Надломленный.

– Я всё равно не буду жить! – голос за дверью сорвался на крик, дрогнул, захлебнулся рыданиями. – С этим нельзя жить! Кажется, что все всё знают... только пальцем не показывают. Он ведь даже не арестован! Сказал, что я сама этого хотела... А я его даже не знала! Просто шла домой... а он подкрался сзади, затащил в кусты... и...

Дальше слова оборвались, и в паузе слышно было только всхлипы.

И тогда заговорила Алёна. Голос её был тихий, ровный, удивительно собранный – без дрожи, без фальшивой жалости.

– С этим можно жить. Первое время будет ад. Я не спорю. Ты будешь просыпаться ночью от собственного крика. Бояться шагов за спиной. Вздрагивать от любого прикосновения. Но потом станет легче. Убив себя, ты не отомстишь ему. Ты только подаришь ему победу.

– Вам легко говорить! – выкрикнула девочка, в голосе слышалась злость, бессилие, отчаяние. – Вы же не знаете, что это такое! Вы через это не проходили!

Пауза. Долгая, вязкая. Я почти поверил, что Алёна промолчит. Но её голос прозвучал снова – тихий, уверенный, с силой, от которой кровь стыла в жилах.

– Ошибаешься. Я знаю. Я проходила. И не один день, и не одну ночь. Только у меня тогда не было никакой помощи. Никаких врачей, никаких слов «держись». Я вытаскивала себя сама. Первое время был кошмар: стоишь под душем и трёшь кожу до боли, а всё равно кажется, что грязь въелась навсегда. От каждого взгляда хочется исчезнуть. Думаешь, что не выдержишь. Но проходит. Проходит, если жить.

В смотровой воцарилась тишина. Девочка тихо всхлипнула, и в её голосе впервые прозвучало что-то иное – не злость, не отчаяние, а робкая надежда.

– Я... не смогу...

– Сможешь, – сказала Алёна так, что в этом не осталось ни тени сомнения. – Потому что я смогла. А значит, и ты сможешь. У тебя есть родители. Есть родные. Они будут рядом. Ты не одна.

Раздался долгий, сдавленный всхлип, и потом – еле слышное:

– Спасибо вам...

А я стоял за дверью, будто парализованный.

И в тот миг всё встало на свои места. Щёлкнуло, сложилось, срослось в единую картину, которую я так долго не мог собрать. Та ночь. Та больница. Вычеркнутые записи. Пустота в её деле.

Это было изнасилование.

Меня обдало холодом и жаром одновременно. В груди будто что-то рвануло. Внутри – злость, чёрная, глухая, вязкая. На того ублюдка, который сделал это. На систему, которая прикрыла его. На себя – что не узнал раньше.

Я – хирург. Я привык чинить то, что сломано. Но как зашить такие раны? Как вытянуть человека из ада, если он каждый день живёт с этим внутри?

Ярость душила. Хотелось выломать эту дверь и поклясться, что найду его. Найду и разорву. Руками, скальпелем – чем угодно. Чтобы он понял, что значит боль.

Но я только стоял. Молчал. Слушал её голос.

Господи, Алёна...

Она вышла из смотровой и почти врезалась в меня. Её глаза были покрасневшие, уставшие, но холодные. Я понял сразу: отпустить её сейчас – значит потерять навсегда.

– Пойдём в мой кабинет, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Нужно поговорить.

Она кивнула, не споря. Шла за мной медленно, тихо, так что я слышал только её шаги.

Я открыл дверь, пропустил её вперёд.

– Садись на диван.

Она опустилась на край, будто боялась занять слишком много места. Я же развернул стул спинкой вперёд и сел, сжимая ладонями дерево так, что побелели костяшки. Несколько секунд мы молчали, и тиканье часов резало тишину.

Наконец она заговорила:

– Вы всё слышали?

– Да, – ответил я глухо. – Слышал. Кто это сделал? Почему ты не обратилась в полицию?

Она отвела взгляд.

– Неважно, кто. Прошлое не изменить. Это уже случилось.

– А в полицию не пошла потому, что запугали? – перебил я, чувствуя, как срывается голос. – Поэтому молчала?

Её глаза метнулись ко мне – холодные, колючие.

– Зачем вам это? Зачем вы копаете то, что давно забыто?

И тогда язык опередил мозг. Слова вырвались сами, раньше чем я успел их обдумать:

– Потому что я люблю тебя, глупышка. С того самого дня, как ты пришла сюда.

Тишина повисла густая, давящая, как свинец. Она застыла, глядя на меня широко раскрытыми глазами, а я понял, что от этих слов дороги назад уже нет.

Я успел только подумать: *среагировать нужно быстрее, чем она решит сбежать...*

Глава 9 от лица алены

– Да потому что я люблю тебя, глупышка.

Сердце, кажется, на миг остановилось, пропустило удар, другой, и я осталась сидеть, как громом поражённая. Мне ли это сказали? Мне, а не кому-то другому? Не могло быть. Этот мужчина – высокий, властный, резкий, грозный, привыкший держать в руках судьбы людей и не дрогнуть ни на секунду – сейчас признался мне в любви?

Секунду я смотрела на него, будто пытаюсь уловить хоть тень иронии в его взгляде, хоть малейший намёк на шутку. Но не было ничего. Его лицо оставалось серьёзным, голос – твёрдым, глаза – предельно внимательными, почти обжигающими.

– Любишь?.. – прошептала я еле слышно. – Это... это шутка такая?

Он ответил сразу, и в его тоне не было ни единой колеблющейся ноты:

– Я на клоуна похож?

Я покачала головой. Нет. Ни на клоуна, ни на шутника. Сейчас передо мной был человек, который решился произнести то, что, вероятно, держал внутри слишком долго.

Он встал со стула, и я внутренне напряглась, но тут же ощутила, как пространство вокруг изменилось: он сел рядом, так близко, что воздух словно сгустился, и положил свою ладонь поверх моих рук, крепко сцепленных на коленях. Его ладонь была тёплой, тяжёлой, надёжной – и я вдруг почувствовала себя такой маленькой рядом с ним.

– С того самого момента, как ты переступила порог моего кабинета, – заговорил он низко и медленно, будто каждое слово давалось ему с трудом, но вместе с тем было выстраданным и настоящим. – С этим дурацким пакетом со сменкой в руках и взглядом, будто ты готова бороться со всем миром. Я долго боролся сам с собой. Понимал, что я старше тебя, что я твой начальник, что всё это неправильно. Но я больше не могу стоять в стороне.

Я слушала, и каждая его фраза будто сдвигала меня с места, разрушала ту стену, которую я годами возводила вокруг себя. Он говорил тихо, но так искренне, что я не могла не верить.

А потом произошло то, чего я не ждала вовсе. Он обнял меня. Осторожно, словно я и вправду сделана из тонкого стекла, которое может треснуть от любого неверного движения. Его руки сомкнулись вокруг меня, сильные, тёплые, такие разные от всего, что я знала прежде.

И знаете, что самое страшное? Я не хотела его оттолкнуть. Впервые за столько лет я позволила себе слабость. Я не билась, не напрягалась, не искала выхода. Я просто сидела в этих объятиях, слушала его дыхание у своего виска и ловила то ощущение, которого так давно не знала: спокойствие. Безопасность.

Внутри что-то медленно, почти неощутимо расслабилось, как пружина, которую слишком долго держали в сжатом состоянии. И всё равно я не могла поверить до конца, что это происходит со мной. Со мной, которая столько лет жила в холоде и одиночестве. Со мной, которая научилась не доверять никому.

Я позволила себе закрыть глаза на секунду, просто задержать этот миг, это тепло, эту невозможную близость. Впервые в жизни мне не хотелось бежать. Впервые в жизни я хотела остаться.

Я почувствовала, что больше не могу хранить это в себе. Сколько лет я молчала, сколько раз убеждала себя, что никому нельзя доверять, что стоит только открыть рот – и всё обернётся против меня. Но рядом с ним, с его тяжёлой ладонью на моих руках и взглядом, в котором не было ни тени насмешки, ни холодного любопытства, вдруг стало ясно: он не осудит и не предаст. И слова сами пошли наружу, как вода, прорвавшая плотину.

– В тот вечер я возвращалась домой слишком поздно, – начала я, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё дрожало. – На конечной остановке почти никогда не было людей, а по вечерам и вовсе пусто. Он, наверное, знал об этом, возможно, следил за мной заранее. Я ждала автобус, но вместо него подъехала машина, знакомая до боли – я знала, кому она принадлежит. Только за рулём был не он, а кто-то из его друзей, он сидел рядом, и уже тогда я поняла, что ничего хорошего ждать не стоит.

Я вдохнула, закрыла на миг глаза и продолжила, потому что остановиться теперь уже не могла.

– Конечно, я пыталась убежать, отбиться, хоть как-то вырваться, но что могла сделать двадцатитрёхлетняя девчонка против двух взрослых мужчин? Они затолкнули меня внутрь, и мы поехали на другой конец города. Там был старый заброшенный дом, пустой и тёмный, только на полу – матрац. Они готовились, представляешь? Позаботились, чтобы им было удобнее. Всю ночь они мучили меня, один держал, второй делал своё дело, потом менялись, и всё повторялось снова и снова, пока я уже не знала, где ночь, а где утро, где я сама, а где то, что от меня осталось.

Рядом со мной Демьян тяжело выдохнул, его пальцы сильнее сжали мои, но он не прервал, только будто держал меня, чтобы я не сорвалась.

– А потом они просто выбросили меня на дорогу, как ненужную вещь, – продолжала я, чувствуя, как в груди поднимается тошнота, но не позволяя ей прорваться наружу. – Я шла, едва держась на ногах, вся в грязи, в разорванной одежде, в крови, и единственное, о чём думала, – дойти до больницы. Там ведь должны помочь, правда? Там ведь врачи, они вызовут полицию, они хотя бы выслушают.

Я горько усмехнулась, и слёзы обожгли глаза.

– Но двери мне открыли нехотя, с осмотром тянули, словно я просто помешала им своей жалкой фигурой. А когда я всё рассказала – кто это сделал, как это было, – врач тут же при мне позвонил. И через полчаса приехали два здоровенных амбала. В тот момент я попрощалась с жизнью: думала, что они меня отвезут в лес и просто добьют. Но нет – они отвезли меня домой.

И на прощание очень доходчиво объяснили, что со мной будет, если я хоть слово скажу вслух, если попробую написать заявление или вынести всё это наружу.

Я замолчала, потому что в горле встал ком, мешавший дышать, и только тогда поняла, что дрожу вся, до кончиков пальцев.

– С тех пор я молчала, – выдавила я наконец, – молчала каждый день и каждую ночь, потому что знала: никто не поверит, никто не защитит, никто не встанет рядом.

Я подняла глаза и встретила его взгляд. В нём не было жалости, от которой я так всегда бежала. Там была ярость – жгучая, глухая, опасная, направленная не на меня, а на тех, кто это сделал. И ещё – что-то другое, сильное, что я боялась в себе признать.

– Вот поэтому, – сказала я тихо, почти шёпотом, – я больше никому не верю.

Демьян ответил так же негромко, но каждое его слово звучало, как клятва:

– Я не предаю. Мне можешь верить.

Я смотрела на него широко раскрытыми глазами, не веря до конца в то, что слышу.

– После всего услышанного?.. – голос сорвался, и мне показалось, что я задала вопрос не ему, а самой себе.

– Даже после всего услышанного, – сказал он твёрдо, не отводя взгляда. – Моё отношение к тебе никак не изменилось. То, что с тобой произошло, – это прошлое. Прошлое, которое мы не будем трогать. Мы будем жить своё настоящее и строить будущее.

Он замолчал на секунду, потом нахмурился, словно собираясь с силами, и тихо добавил:

– И ещё... Я ведь правильно понял, что тебя тогда так и не осмотрели? Помощь тебе не оказали?

Я отрицательно покачала головой.

– Нет, – прошептала я. – Спустя пару дней я всё же пошла к своему врачу. Потому что боль была невыносимой: стоять, ходить, сидеть – да просто лежать. Синяки и ссадины я почти не замечала, а вот боль... там... – я запнулась, сглотнула и всё же договорила: – она была адской.

Он сжал губы в тонкую линию, но спросил спокойно:

– Последствия какие-то были?

– Небольшие разрывы, гематомы, – ответила я тихо. – Я ведь девственницей была.

Его глаза потемнели, дыхание стало тяжёлым, будто в груди теснился зверь, рвущийся наружу. Но он лишь глубоко вздохнул, протянул руки и снова прижал меня к себе, как будто мог забрать на себя всю ту боль, что я только что произнесла вслух.

– Бедная моя маленькая девочка... – сказал он почти шёпотом, и в этих словах было столько боли и нежности, что у меня защипало глаза.

Я впервые за долгое время позволила себе расслабиться в чужих руках. Позволила хотя бы на миг поверить, что мир может быть не только жестоким, но и таким – тёплым, надёжным, в котором тебя держат и не отпускают.

– Теперь у тебя есть я, – сказал он твёрдо, и в его голосе звучала такая уверенность, что я затаила дыхание. – Любому глотку за тебя перегрызу, пусть только попробуют сказать что-то не так или хотя бы посмотрят косо.

Я невольно усмехнулась сквозь дрожь, всё ещё не веря, что эти слова произносит именно он, такой большой, суровый, грозный.

– Ты таким образом предлагаешь... стать парой? – спросила я осторожно, будто боялась спугнуть то, что только-только начало рождаться, между нами.

Он наклонился ближе, в его глазах не осталось ни тени сомнения:

– Я тебе предлагаю стать моей любимой женщиной. Единственной в мире. Моей маленькой девочкой, которую я буду любить и баловать. Дай нам шанс, Алёнка. Но самое главное – дай шанс себе. Шанс быть счастливой. Ты этого достойна, как никто.

Что-то внутри меня щёлкнуло, растаяло, и я вдруг ясно поняла: я больше не хочу прятаться за маской, не хочу убегать от жизни. Всё, чего я боялась, что держала в себе годами, – больше не имеет силы.

Я дала этот шанс. Прежде всего себе.

Мы ещё несколько часов провели в его кабинете. Не было громких слов, не было лишних движений – просто тихое счастье от того, что рядом оказался человек, с которым можно молчать и при этом чувствовать себя услышанной. Чашки с остывшим кофе, тиканье часов, редкие слова, и его ладонь на моей руке – всё это казалось удивительно естественным, словно всегда так и должно было быть.

А потом работа снова потребовала нас. Коридоры, пациенты, звонки – привычный хаос в стенах больницы накрыл нас обоих с головой. Мы договорились о главном: пока не афишировать наши отношения. В этих стенах я оставалась просто хирургом, он – заведующим. Только так мы могли уберечь наше хрупкое «вместе» от чужих взглядов и, самое главное, от сплетен, которые разрастаются здесь быстрее любой инфекции.

Но внутри я знала: что-то изменилось навсегда.

Для всех вокруг всё оставалось по-старому: Демьян по-прежнему гонял медперсонал, требовал идеальной документации, вспыхивал из-за мелочей и держал отделение в железной хватке. Я же лечила пациентов, молча и сосредоточенно, будто ничего не изменилось.

Но я видела то, чего не замечал никто. Его руку, которая едва касалась моей ладони, когда мы оказывались рядом. Быстрый поцелуй в висок в пустом коридоре, после которого он тут же растворялся, словно и не было ничего. Эти мелочи он позволял себе только тогда, когда был уверен – нас никто не увидит.

Мы тянули каждую свободную минуту, крали время между дежурствами, а в редкие совпавшие выходные исчезали из города. Для меня это сначала было чудом, пока я не поняла: никакой магии. Это он умело подстраивал график так, чтобы у нас оставалось «случайное» вместе. Мы гуляли, сидели в маленьких кофейнях: я с чашкой чая, он с привычным кофе. Разговаривали. Узнавали друг друга. И эти разговоры становились важнее всего остального.

Иногда Дёма вносил в наши встречи элемент неожиданности. Однажды утром он появился у моего дома с той самой загадочной улыбкой и сказал:

– У меня для тебя сюрприз.

Через час мы уже сворачивали к вывеске «Конный клуб».

– Ты привёз меня кататься на лошадях? – уточнила я с подозрением.

– Вроде того, – усмехнулся он. – Пошли, познакомлю.

И действительно познакомил. С жеребцом – высоким, статным, чёрным, как ночь. Его звали Граф, и имя идеально подходило этому величественному созданию. А рядом стояла Молния – изящная лошадка кремового окраса, с мягкими глазами и лёгкой походкой.

Именно на неё Демьян усадил меня, несмотря на все мои протесты. Конечно, я пыталась возразить: «Я хирург, а не ковбой». Но устоять перед его харизмой оказалось невозможно. Пара кругов по манежу всё же состоялась, сначала осторожных и зажатых, потом чуть увереннее. А после я стояла у ограды, кормила Молнию яблоками и ловила себя на том, что улыбаюсь по-настоящему.

Сам Демьян в это время взлетел в седло Графа. И когда они понеслись по полю – стремительно, свободно, будто одно целое, – я не могла отвести взгляда. Сердце замерло от восторга и лёгкого страха. Я даже шагнула вперёд, но Егор, смотритель клуба и, как оказалось, старый знакомый Демьяна, только усмехнулся:

– Не бойся. Граф его чувствует. С ним ничего не случится.

Я смотрела на них и понимала: Егор прав. Они и вправду были единым целым.

Конечно же, на лошадях он не остановился. Ровно через неделю всё повторилось – только вместо конного клуба мы оказались на собачьей ферме. И не простой, а там, где жили ездовые собаки: красивые хаски с голубыми глазами, величественные маламуты и белоснежные самоеды, которые словно умели улыбаться.

Там были взрослые собаки, озорные щенки и даже несколько пожилых «пенсионеров», для которых выделили отдельный вольер и готовили особенное меню – мягкую курочку к обеду. Казалось, каждая собака знала: её любят, и она отвечает взаимностью – без условий, без ожиданий.

Они подходили сами, тыкались носами в ладони, доверчиво смотрели прямо в глаза, будто старались подарить кусочек своей доброты каждому. Щенки ... это было настоящее чудо. Маленькие, пушистые, тёплые комочки жизни. Стоило взять одного на руки, и он сразу прижимался всем телом, словно считал тебя самым близким существом на свете. Другие тянулись за вниманием, смешно карабкались на колени, путались под ногами, визжали от счастья, когда их гладили.

Я не думала, что могу так много и так долго улыбаться. Всё происходящее будто растворяло усталость и тревоги, оставляя только лёгкость и удивительное ощущение, что мир может быть добрым. А рядом был Демьян, который не мешал этому теплу, а будто сам становился его частью – и смотрел на меня с таким спокойным вниманием, что внутри становилось ещё светлее.

Чем больше времени мы проводили вместе, тем тяжелее становилось расставаться. Даже короткие паузы между свиданиями тянулись, как вечность. И в один из дней, когда погода решила испытать на прочность – налетел ледяной ветер, дождь хлестал по стеклу, а зонт выворачивало наизнанку, – Демьян повёл меня к себе домой.

Сначала поразил сам жилой комплекс: охраняемая территория, аккуратные дорожки, газоны, словно сошедшие с картинки, ухоженная детская площадка. За домами – лесной массив, от которого веяло спокойствием и тишиной. Дома невысокие, девятиэтажные, но уже во дворе ощущался какой-то особый, камерный уют.

А когда я переступила порог квартиры, то окончательно потеряла дар речи. Я ожидала увидеть холостяцкую берлогу: минимум мебели, холодные стены, строгий монохром и техника во главе угла. Но всё оказалось иначе.

Серого и чёрного здесь не было вовсе. Комнаты были наполнены теплом: мягкие бежевые стены, светлое дерево, зелёные растения на подоконниках. В углу гостиной возвышался большой книжный шкаф, в котором соседствовали кожаные переплётывы и томики с загнутыми страницами – их явно перечитывали не раз. На просторном диване лежали настоящие подушки, не для красоты, а для жизни: свернуться клубочком, почитать, посмотреть фильм.

Кухня поразила не меньше. Всё продумано до мелочей: свет, удобное расположение полок и техники, специи на открытых стеллажах, ножи и кастрюли – ровно там, где они нужны. Никакого показного шика, никакой показной «мужской суровости» – только порядок и тепло.

А спальня... Она была просторной, почти студийной, с высоким потолком и огромной кроватью в центре.

– На заказ, – пояснил Демьян, заметив мой взгляд. – В стандартные я помещаюсь только по диагонали. Неудобно.

Он произнёс это с привычной иронией, но в голосе прозвучала лёгкая тень одиночества. Как будто все эти удобства были не роскошью, а вынужденной привычкой.

Вторая комната оказалась пустой – белые стены, никаких деталей.

– Пока не придумал, что здесь будет, – пожал он плечами. – Так и оставил.

На ужин он приготовил пасту с морепродуктами. Настоящую, с запахом свежего соуса и трав. Когда я спросила, откуда он так умеет, он усмехнулся:

– Ну, я же понимал, что не всегда буду жить с родителями. Пришлось учиться. Сначала методом проб и ошибок, теперь интернет подсказывает. Было бы кому готовить.

И я вдруг поняла: всё это он сделал для меня. Не просто ужин – целый вечер, каждую деталь, чтобы мы были вместе.

Позже, когда мы сидели на диване, он вдруг сказал:

– Аленка, перебирайся ко мне. Что мы, как школьники, встречаемся на переменах? Давай уже по-взрослому. Вместе.

Сказано было спокойно, без пафоса. Но за этой простотой скрывалось главное: он хочет, чтобы я была рядом всегда.

Я не ответила сразу. Не потому, что испугалась, и не потому, что не хотела. Просто всё происходило слишком быстро. Ещё недавно я никого не подпускала ближе, чем на расстояние вытянутой руки, а теперь – я в его квартире, пью чай из его кружки, и он зовёт меня жить с ним. Насовсем.

Я посмотрела в его глаза. Там не было ни торопливости, ни нажима – только терпение и доверие.

– Мне нужно немного времени, – тихо сказала я. – Не потому, что сомневаюсь. Просто... хочу всё до конца осознать.

Он кивнул, не задавая лишних вопросов. Лишь крепче прижал к себе:

– Возьми, сколько нужно. Я рядом. Всегда.

И в этих словах – «я рядом» – было всё, чего мне так долго не хватало.

Глава 10

от лица Демьяна

Мы с ней были как двое подростков, которые прячутся от родителей. Только вот в роли родителей у нас выступала вся больница: ординаторы с вечным любопытством, медсёстры с их острыми языками и слухи, разлетающиеся по коридорам со скоростью света.

Я не настаивал и не торопил. Принял её осторожность, её правила. Для меня главным было одно – чтобы рядом со мной ей было спокойно. Чтобы ни одна тень прошлого не нарушила тот хрупкий баланс, к которому она так долго шла. Всё остальное могло подождать.

Наши поездки за город не были случайными. Я понимал: животные умеют лечить то, до чего не дотянется ни один врач. Они не задают вопросов, не смотрят с жалостью, не требуют объяснений. Просто дарят тепло. Если бы я мог взять скальпель и вырезать всё, что причиняло ей боль, сделал бы это не раздумывая. Но здесь хирургия была бессильна. И тогда я выбрал иной путь – самый простой, самый честный: показать ей мир, в котором ещё есть место доверию и радости.

И это сработало. Я видел, как постепенно исчезает застывшая в ней холодность, как улыбка перестаёт быть редкой случайностью и становится частью её. Она оживала. С каждой встречей, с каждой прогулкой, с каждой поездкой – она возвращала себе жизнь. И я радовался вместе с ней, понимая: именно рядом со мной она позволила себе снова улыбаться.

Но её рассказ не отпускал. Он жил во мне, царапал изнутри, поднимал волну тёмной, вязкой ярости. На тех, кто это сделал. На тех, кто заставил её молчать. Я не собирался оставлять

всё как есть. Я найду их. Сначала найду, а потом сделаю так, чтобы они пожалели, что вообще родились. Возможно – с особой жестокостью.

Мне было катастрофически мало наших встреч. Мало тех минут между сменами, когда удавалось выскользнуть из ординаторской вместе, пройтись по коридору и обменяться парой слов, которые для постороннего уха ничего не значили, но для нас были целым миром. Мало украденных поцелуев в тишине пустого коридора, когда мы оба замирали от страха, что кто-то вдруг выйдет из-за угла. Мало коротких переписок перед сном, в которых хотелось написать в сто раз больше, чем позволяли обстоятельства.

А иногда... иногда становилось прямо физически больно. Видеть её за столом в ординаторской среди остальных – спокойную, собранную, чуть отстранённую – и не иметь права просто протянуть руку, коснуться её щеки, положить ладонь поверх её ладони. Быть рядом не тайком, не в полумраке, а открыто, по-настоящему.

Каждая минута с ней была для меня словно глоток воды в пустыне. И чем сильнее я в это втягивался, тем яснее понимал: назад дороги уже не будет.

Из всей больницы только один человек знал о нас. Конечно же, Тёма. И, как водится, он не упускал ни одной возможности уколоть меня своим вечным ехидством.

– Ну что, Дёма, покорило сердце нашей королевы хирургии? – с прищуром протянул Артём, ввалившись в мой кабинет с неизменной чашкой кофе и довольной физиономией. – Считай, всю больницу обскакал.

Я даже не поднял головы от бумаг.

– Тёма, иди в задницу.

Он расхохотался, сделал неторопливый глоток и развалился в кресле напротив так, будто это его кабинет, а не мой.

– Узнаю своего друга, – заметил он с ленивым удовлетворением. – Когда доволен, всегда шлёт в задницу. Значит, дела идут хорошо.

Я только тяжело выдохнул. Спорить не имело смысла: он знал меня слишком хорошо, лучше, чем я сам. Читал с полувзгляда, с полуслова, а иногда и вовсе без слов.

– Ладно, – сказал он спустя минуту и поднялся, собираясь уходить. – Один вопрос задам – и исчезаю.

Я бросил на него короткий взгляд из-под бровей.

– Давай.

Он задержался в проёме, прищурился и спросил:

– Ты счастлив?

Я на секунду замер, потом краешком губ усмехнулся. Не с насмешкой, не с бравадой – по-настоящему. Так, как давно не умел.

– Как никогда.

Артём кивнул, хмыкнул и, как всегда, не удержался от заключительной шпильки:

– Чёрт, даже завидно. Но ты, главное, не раскисни от любви, а то, кто у нас будет управлять этим зверинцем?

И ушёл, оставив за собой запах кофе и лёгкое эхо смеха.

А я остался один на один со своими мыслями. Уже несколько дней я ждал её ответа. Предложение переехать не возникло просто так – я носил его в голове, словно сложную операцию, которую прокручиваешь в деталях до того, как взять скальпель в руки. Варианты, слова, интонации – всё я мысленно перебирал, выверял. Возможно, я тороплюсь. Возможно, слыш-

ком рано. Но я больше не мог мириться с тем, что она остаётся где-то на расстоянии. Я хотел, чтобы она была рядом всегда. В поле моего зрения. В моём доме. В моей жизни.

И, к счастью, она не стала мучить меня тишиной и паузами. Она согласилась. Сказала это так просто, так буднично, будто речь шла не о важнейшем решении в нашей жизни, а о какой-то мелочи. Пришла в кабинет, официальная, с этим её привычным «Демьян Олегович». А потом, где-то между поцелуями и смехом, будто между делом, сказала:

– Я согласна к тебе переехать.

И чуть выдержав паузу добавила:

– Я люблю тебя.

Вот что ещё мужику для счастья надо? Простое «люблю» – а я готов был свернуть горы. Серьёзно. В тот момент мне казалось, что у меня выросли крылья, и ничто в этом мире не сможет меня остановить.

С переездом мы не стали затягивать. В пятницу после работы я заехал за ней и её вещами. Ещё накануне я всё подготовил: освободил половину гардеробной, расчистил полки в ванной для всей женской алхимии, без которой они жить не умеют, положил второй комплект полотенец. Хотел, чтобы она вошла и сразу почувствовала – это её дом. Наш дом.

Я даже мысленно прикинул, сколько раз придётся смотаться туда-обратно, пока перевезём всё. Но Алёна снова умудрилась удивить. Неприятно. Вся её жизнь уместилась в один большой чемодан, пару спортивных сумок и несколько коробок.

Я затормозил, недоверчиво посмотрел и спросил:

– Это точно всё? Или ты просто на пару недель вещей взяла?

Она спокойно ответила:

– Да. Это всё.

Я попытался разрядить воздух шуткой:

– Подожди... а как же куча платьев? Туфли по фазе луны? Щипцы для ресниц под каждый праздник? Фен, у которого больше насадок, чем у моего перфоратора?

Она только пожала плечами:

– Мне этого достаточно.

Я коротко кивнул и уложил всё в машину буквально за пару заходов. Мельком оглядел её район – старые дома, облупившиеся фасады, выцветшие стены. Всё вокруг выглядело уставшим и опустевшим.

И в тот момент я подумал о ней. О том, что слишком долго она жила в этом сером, безликом месте, которое не давало ни тепла, ни опоры. А ведь она заслуживает другого. Заслуживает дом, где будет свет, уют и уверенность в завтрашнем дне.

И я точно знал: теперь всё будет иначе. Теперь у неё есть я.

Пока она раскладывала вещи, я готовил ужин. Ничего сложного, ничего вычурного – курица в сливках и рис на гарнир. Простая еда, но я хотел, чтобы она была вкусной, домашней, нашей. В ванной её щётка уже стояла рядом с моей, на полочке аккуратно выстроились шампунь, кондиционер и гель для душа. И никакой таблицы Менделеева из десятка тюбиков и баночек, как я себе представлял. В гардеробной её вещей оказалось так мало, что даже половинки освобождённого места она не заняла. Но я уже мысленно прикидывал, как исправить этот недочёт – у любой женщины должно быть больше. И я был не против этого «больше», наоборот.

Я сосредоточился на соусе, а потом услышал тихие шаги. Повернулся – и едва не выронил лопатку. В кухню вошла Алёна: футболка, шорты... и пушистые сапожки с длинными ушами зайца.

Я не выдержал, хмыкнул:

– Алёна... это что? – кивнул на ушастое безобразие

Она посмотрела на меня абсолютно серьёзно, будто мы обсуждали рабочий протокол:

– Это тепло и мягко.

– У нас, если что, тёплые полы. Везде, – парировал я. – Гордость инженерной мысли. Немцы плачут, японцы завидуют. А ты – в тапках с зайцем.

Она пожала плечами, как будто эта реакция была у неё заготовлена на все случаи жизни. Спокойная, невозмутимая – и от этого ещё более очаровательная.

Остаток вечера прошёл удивительно тихо, почти по-семейному. Мы поужинали, вместе прибрали кухню, а потом устроились в гостиной и решили включить какую-то комедию. Но это было что угодно, только не комедия: шутки ниже плинтуса, сюжет дырявый, актёры будто собрались по объявлению «ищем любителей халявного кофе». Минут через двадцать этого «шедевра» я уже собирался выключить телевизор, потому что Алёна начала клевать носом прямо на диване, при этом упрямо морщась, словно пыталась досмотреть хотя бы до первой удачной сцены.

– Ну вот, – пробормотал я, сдвигая брови. – Тебе, видимо, настолько весело, что ты решила поспать.

Она что-то невнятно буркнула в ответ и снова уткнулась щекой в подушку. Решение было принято мгновенно – отправиться спать. Я заскочил в душ, на всё про всё ушло минут пять, ну может семь. Не торопился: думал, что она просто полежит и дождётся. Всё-таки первый вечер в новой квартире – символично.

Но в спальне меня встретила тишина. Такая густая, вязкая, как в библиотеке под утро. Алёна уже мирно спала, закутавшись в одеяло по самую шею, словно её кто-то успел подморозить. На лице – покой и что-то почти детское, доверчивое. Вот это у неё талант – вырубаться здесь и сейчас. Без лишних слов, без ритуалов, просто: бац – и нет человека.

Я остановился у кровати, смотрел на неё пару секунд, почти ревнуя ко сну. Хотелось взять и разбудить, только чтобы услышать ещё хоть пару её слов, поймать взгляд. Но потом я тихо выдохнул, забрался под одеяло рядом, осторожно обнял за плечи. Не так, чтобы потревожить, а лишь чтобы почувствовать её тепло.

И именно в этот момент понял простую вещь: мне не нужно ничего громкого, никаких заранее придуманных сценариев. Всё, что я когда-либо искал, сейчас спало рядом со мной, дышало ровно, утыкалось носом в подушку и грело меня сильнее любого одеяла.

Первое рабочее пробуждение оказалось на редкость тяжёлым. В выходные Алёна встала сама – отсыпалась, была бодрая и почти лёгкая на подъём. Но в будний день её организм категорически отказался вставать по первому зову. Я же, как обычно, поднялся рано: чай заварен, кофемашина уже наполнила кухню ароматом, на плите булькала каша – полноценный завтрак готовился.

А вот миссия «разбуди Златогорову» превратилась в настоящий квест. Сначала я попробовал по-хорошему: тихо позвал, осторожно коснулся плеча. В ответ – ворчание и попытка закопаться под подушки, словно под броню. Попытка номер два – приподнять одеяло, пошутить. В ответ – ещё громче «м-м-м» и полный игнор.

Пришлось прибегнуть к тяжёлой артиллерии: пригрозил, что увезу её прямо так – неумытую, не расчёсанную и в тапках с зайцами. Бессовестный шантаж, но другого выхода не было. Сработало. Алёна фыркнула, буркнула что-то невнятное и нехотя поплелась в ванную.

На кухне состоялся второй раунд.

– Я столько не съем, – упрямо заявила она, глядя на тарелку каши, как будто там лежал не завтрак, а строительный раствор.

– Там всего пара ложек, – спокойно возразил я. – Давай так: ложку в руку и – за себя, за меня, можешь даже за Артёма. Пока я одеваюсь, ты ищешь дно у тарелки.

И, не дожидаясь возражений, ушёл в спальню.

Когда вернулся минут через десять, тарелка была пустая. Я только выдохнул тихо, почти с облегчением. Ну хоть до обеда буду уверен, что она не рухнет в голодный обморок где-нибудь между приёмным и операционной.

Выехали мы вовремя, и я уже отметил про себя маленькую победу. Но за квартал до больницы Алёна вдруг сказала:

– Дёма, останови тут. Я выйду.

– Что? Зачем? – удивился я.

– Не хочу, чтобы нас видели вместе.

Я замолчал, пару секунд смотрел на неё, потом кивнул. Разумно. Но всё же не удержался:

– Алён... ты понимаешь, что рано или поздно придётся?

Она кивнула в ответ, голос её был мягкий, почти виноватый:

– Понимаю. Но, пожалуйста... не сейчас.

Она вышла и быстро зашагала к больнице, а я остался сидеть в машине, следя за её фигурой. И подумал только одно: «Ну что ж... подождём».

Глава 11 от лица алены

Просыпаться рядом с кем-то – само по себе ощущение странное. Я ведь привыкла к тишине, к одиночеству, к утрам, где максимум звуков – это будильник и шум чайника. А тут рядом дыхание другого человека, тепло, от которого уже не сбежишь под одеяло, и ощущение плеча, на которое можно опереться. Даже не нужно – можно. Это «можно» было новым и пугало едва ли не сильнее всего.

А ещё пугало то, как он относился ко мне. Каждое утро – свежий чай, завтрак, будто это самое естественное в мире. Я привыкла рассчитывать только на себя: сама позаботилась, сама сделала, сама выжила. А тут вдруг человек, который заботится обо мне без просьб, без условий. И я не знала, как с этим жить. Принять сразу оказалось трудно. Внутри сидел страх, липкий и настойчивый: а вдруг он наиграется? А вдруг однажды поймёт, что всё это слишком тяжело? Что у меня за спиной слишком много боли, слишком много тёмных страниц, и найдёт кого-то легче. Попроще. Без багажа, который никогда не сдаётся в багажное отделение и не исчезает даже со временем.

Но день за днём он доказывал обратное. Не словами – делами. Ни разу не дал усомниться. И каждый такой день был маленьким шагом к тому, чтобы я перестала ждать предательства там, где его не было.

Дома он был другим. Совсем другим. Не заведующий, не грозный хирург, не человек, от которого подчинённые вздрагивают на планёрках. Там, в больнице, он строгий, резкий, иногда даже пугающий. Он держит отделение в ежовых рукавицах, не позволяя расслабляться никому,

включая себя. Но стоит ему переступить порог квартиры – и всё меняется. Там он превращался в большого, почти домашнего медведя. Мягкого, тёплого, такого, к которому хочется прижаться и не отпустить.

И, может быть, именно это пугало сильнее всего: видеть его таким и понимать, что он – мой.

И показать всем, что он мой, я была не готова. Я вообще не была готова всё это выносить напоказ. Я только-только перестала быть поводом для шёпотов за спиной, только недавно моё имя перестало звучать в пересудах, и вдруг... если бы мы с Демьяном объявили о себе, мы подкинули бы в костёр сплетен целый самосвал дров. И в одночасье фокус сместился бы: уже не на мою работу, не на операции и дежурства, а на то, «как она пробилась» и «через чью постель». Людям ведь так проще.

Правда заключалась в том, что до самой постели мы ещё не дошли. Да, мы обнимались, целовались, Демьян позволял себе чуть больше, чем раньше, иногда его руки задерживались дольше, чем следовало бы, но не более того. Он не торопил и не давил, не требовал и не намекал. Хотя я видела – в его взгляде, в том, как он иногда сжимал зубы, отводя глаза, – ему хотелось. Но он сдерживал себя. Ради меня.

И это, наверное, поражало сильнее всего. Мужчина, который мог взять силой, криком, авторитетом, привычный добиваться всего прямо и быстро, рядом со мной становился другим: терпеливым, осторожным, почти бережным до абсурда. Будто понимал – стоит поторопить, и я тут же отступлю, спрячусь обратно в свою скорлупу.

Но морально я всё равно готовилась. Я тысячу раз повторяла себе: это Демьян, он не сделает мне больно, не пойдёт против моей воли, с ним я в безопасности. И разум действительно победил сомнения. Оставалось только одно – подстраховаться. Не хотелось неожиданностей, которые могли бы изменить всё в один миг.

Поэтому, поймав момент между пациентами, я записалась к Анне Викторовне. Моему гинекологу, врачу, которому я доверяла безоговорочно. Она никогда не осуждала, не позволяла себе ни грубого слова, ни снисходительного взгляда. С ней было легко говорить даже о том, что в принципе не хочется обсуждать.

А Демьяну я, конечно, ничего не сказала. Всё-таки для меня это оставалось чисто женскими делами, своей территорией. Да, он врач, он в сто раз больше меня знает про человеческое тело, но при всём этом – он мужчина. А значит, есть вещи, которые должны оставаться только между мной и врачом.

Именно с такими мыслями я сидела перед кабинетом и ждала своей очереди. Стены были привычно светлые, пахло хлоркой и чем-то аптечным. Я старалась не смотреть на часы, но всё равно ловила каждый удар секундной стрелки. Ровно в тринадцать загорелась зелёная лампочка, и я вошла.

Анна Викторовна, как всегда, сидела за столом, склонившись над бумагами. Подняла глаза, улыбнулась чуть устало, но тепло:

– Проходи, Алёна. Садись. Ну, рассказывай, что у тебя?

Я устроилась на стуле и почувствовала, как уши предательски вспыхнули.

– Понимаете... у меня отношения с мужчиной. Всё развивается. И я хотела бы подобрать контрацепцию. Чтобы... ну, чтобы без неожиданностей.

Она кивнула одобритительно:

– Очень разумно. Ты правильно сделала, что пришла. Давай сначала уточним детали, а потом посмотрим, и уже решим, что лучше всего подойдёт. Согласна?

– Да, конечно.

- Последние месячные?
- Двадцать Пятое сентября, пять дней. Цикл двадцать девять–тридцать один день.
- Боли? Нерегулярность? Что-то необычное?
- Нет. Всё как обычно, – ответила я, стараясь говорить спокойно.
- Хорошо. Тогда на кресло, – мягко сказала она, вставая.

Я переоделась и заняла место. Осмотры я никогда не любила, даже у самых деликатных врачей. Но у Анны Викторовны всё всегда проходило спокойно: её движения были уверенными, без лишней спешки, и от этого неловкость уходила быстрее.

– Расслабься, – тихо напомнила она. – Всё в порядке, никаких воспалений не вижу. Шейка чистая, слизистая спокойная. Сейчас возьмём мазок для анализа, стандартная процедура, ничего необычного.

Я кивнула, крепче вцепившись пальцами в край кресла. Всё заняло минуты три.

– Молодец, – сказала она, снимая перчатки. – Одевайся и садись, обсудим варианты.

Вернувшись на стул, я нервно поправила рукав. Она снова разложила бумаги и заговорила уже своим деловым голосом:

– Смотри. Вариант первый – презервативы. Самый доступный метод, но, как ты понимаешь, всё зависит от мужчины. К тому же осечки бывают, и надёжность оставляет желать лучшего.

Я кивнула, внутренне отметив, что этот вариант сразу можно вычеркнуть.

– Второй вариант – таблетки. Приём каждый день в одно и то же время. Схема простая, но очень надёжная, если дисциплина позволяет.

– С этим проблем не будет, – сказала я тихо.

– Тогда это хороший вариант. Ну и третий – спираль. Но у нерожавших я её ставлю редко. Во-первых, может быть болезненно, во-вторых, не всегда показано.

Я задумалась, но решение пришло быстро.

– Давайте таблетки.

Анна Викторовна кивнула и начала писать рецепт.

– Хорошо. Я дам тебе список препаратов, выберем тот, что оптимален по составу. Начнёшь приём с первого дня цикла. Обязательно отмечай всё: настроение, самочувствие, вес. Если появится дискомфорт – приходи, будем корректировать.

Я взяла листок, аккуратно сложила его. Но она задержала на мне взгляд и вдруг добавила мягче, почти по-человечески:

– Алёна... Я помню, что было два года назад. И именно поэтому скажу так: не живи прошлым. Настоящий мужчина не сделает тебе больно. Ни телу, ни душе.

Слова ударили куда-то в самую глубину. Я хотела ответить, но только кивнула.

Когда я вышла в коридор, в руках у меня была бумага с назначением. Но внутри – ощущение, что у меня появился не просто рецепт, а контроль. Что я сама выбираю, что и когда будет происходить. И впервые за долгое время я сделала шаг не из страха, а ради будущего.

Остаток дня прошёл размеренно. После приёма у Анны Викторовны я зашла в аптеку, выкупила таблетки. Всё совпало идеально: со дня на день должны были начаться месячные, и значит, я смогу начать курс без лишних отсчётов. Маленькая галочка в моём внутреннем списке – «готова».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.